

ЛИНВОУД

БАРКЛИ

СЛЕД НА СТЕКЛЕ

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО
БЕСТСЕЛЛЕРА «ИСЧЕЗНУТЬ
НЕ ПРОСТИВШИСЬ»!

Линвуд Баркли
След на стекле

«АСТ»

2013

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Баркли Л.

След на стекле / Л. Баркли — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-095481-0

Исчезла Клэр Сэндерс – восемнадцатилетняя дочь мэра провинциального городка, а вскоре ее лучшую подругу нашли убитой. Может, Клэр похитили? Или она сбежала к своему приятелю, который недавно пропал при подозрительных обстоятельствах? Поиски полиции не дают результатов. И тогда к расследованию подключается частный детектив Уивер – последний, кто видел живой Клэр в дождливую, ненастную ночь ее исчезновения. Уивер убежден: он должен сделать все, чтобы найти девушку, иначе она станет следующей жертвой таинственного убийцы...

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-095481-0

© Баркли Л., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	59
Глава 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Линвуд Баркли

След на стекле

Linwood Barclay

A TAP ON THE WINDOW

Печатается с разрешения Barclay Perspectives Inc. и литературных агентств The Helen Heller Agency и The Marsh Agency Ltd.

Серия «Криминальные романы Линвуда Баркли»

© Linwood Barclay, 2013

© Перевод. И. Л. Моничев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

– Ты плавать-то умеешь?

– Вы совсем спятили! Отпустите меня!

– Хотя даже если умеешь, шансы у тебя, полагаю, почти нулевые. Мы очень близко к водопаду, и течение здесь бурное. Не успеешь и глазом моргнуть, как тебя швырнет вниз. А падать придется очень долго.

– Отпустите меня!

– Ты мог бы ухватиться за один из больших камней на самом гребне, но, скорее всего, удар о него станет для тебя смертельным. Это как въехать в стену, разогнавшись до ста миль в час. Некоторые сорвиголовы пытались выжить, укрывшись в бочке. На их месте тебе выпал бы один шанс из ста – если разобраться, совсем неплохо.

– Говорю же вам, мистер, богом клянусь, это был не я!

– Не верю. Но если будешь честен со мной и сознаешься в том, что натворил, я не брошу тебя в реку.

– Это был не я! Клянусь!

– А если не ты, то кто же?

– Без понятия. Будь мне известно имя, я бы назвал его вам. Пожалуйста, пожалуйста! Умоляю вас, мистер, не делайте этого!

– Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, при падении ты испытаешь подлинное ощущение свободного полета.

Глава 1

Мужчина средних лет должен быть полным кретином, чтобы подобрать девушку, стоявшую рядом с баром с вытянутой рукой и поднятым большим пальцем. Да и она поступает не слишком умно, если уж на то пошло. Вот только сейчас речь о моей глупости, а не о ее.

Она стояла на краю тротуара в свете неоновой рекламы пива в витрине бара «Пэтчетс», и ее намоченные от дождя светлые пряди нависали на лицо. Под моросью она ежилась и сутулилась, словно от этого могло стать теплее и суше.

Трудно было точно определить ее возраст. Уже может на законных основаниях водить машину и даже, наверное, голосовать, но вот пить ей явно еще не положено. По крайней мере здесь, в Гриффоне, штат Нью-Йорк. По другую сторону моста Льюистон-Куинстон – милости просим. В Канаде спиртное разрешено употреблять с девятнадцати, а не с двадцати одного года. Однако девушка вполне могла пропустить несколько кружек пива в «Пэтчетсе». Все знают, что там нечасто просят предъявить удостоверение личности и не особенно тщательно его проверяют. Даже если у тебя вклеено фото Николь Кидман, а выглядишь ты как Пенелопа Крус, их это вполне устроит. Принцип немудреный: «Пристраивай куда-нибудь задницу, и что тебе налить?»

Девушка с перекинутым через плечо ремнем своей большой красной сумки выставила палец вверх и смотрела на мою машину, когда я подкатил к знаку «Стоп» у перекрестка.

Без вариантов, подумал я. Подсаживать мужчину, который ловит попутку, стало бы дурацкой затеей, а уж сажать к себе малолетку – исключительный идиотизм. Человеку, которому только что перевалило за сорок, не стоит подвозить девчонку вдвое моложе себя темным и дождливым вечером. Это чревато столькими неприятностями, что и не сосчитаешь. А потому, нажимая на тормозную педаль, я уставился прямо перед собой. И, уже собравшись дать газу своей «хонде аккорд», услышал легкий стук в окно пассажирской двери.

Девчонка склонилась к стеклу и глядела на меня. Я покачал головой, но она продолжала стучать.

Я опустил стекло ровно настолько, чтобы видеть ее глаза и кончик носа.

– Простите, – заговорил я, – но никак не могу...

– Мне только нужно добраться до дома, мистер, – перебила она. – Это не так уж далеко. А вон там в пикапе сидит какой-то противный парень. Он так на меня смотрит, что... – Она вдруг округлила глаза. – Черт! Вы разве не отец Скотта Уивера?

– Да, – ответил я. И действительно, я был им когда-то.

– Мне сразу показалось, что это вы. Вы меня вряд ли знаете. Просто я часто видела, как вы забирали Скотта из школы, и все такое. Послушайте, мне очень жаль. Из-за меня вода попадает к вам в кабину. Что ж, придется попытаться...

Но только теперь уже я не мог бросить одну из подружек Скотта мокнуть под дождем.

– Садитесь, – предложил я.

– Вы уверены?

– Да. – Я сделал паузу, давая себе возможность передумать, но почти сразу добавил: – Все в порядке.

– Спасибо! – Она открыла дверь и скользнула на сиденье, переложив мобильник из одной руки в другую. Затем сняла с плеча сумку и бросила себе под ноги. Свет внутри машины зажегся и погас, как мгновенная вспышка молнии. – Господи, я промокла насквозь! Чего доброго, испорчу вам сиденье, уж извините.

Она действительно промокла до нитки: струйки воды стекали по волосам на жакет и джинсы. Особенно сильно пропиталась водой ткань на бедрах, и я предположил, что кто-то из проезжавших мимо водителей окатил ее из лужи у тротуара.

– Не стоит беспокоиться об этом, – сказал я, пока она пристегивалась ремнем безопасности. Моя машина все еще не двигалась с места, поскольку я не знал нужного направления. – Едем прямо, сворачиваем или как?

– Ах, конечно. – Девушка нервно рассмеялась и покачала головой, рассыпая брызги, как выбравшийся из воды спаниель. – Можно подумать, вы знаете, где я живу. Так. Поехали прямо. Я посмотрел налево, направо, а потом миновал перекресток.

– Значит, вы дружили со Скоттом? – спросил я.

Она кивнула, улыбнулась, а затем ее лицо исказила гримаса:

– Да. Он был славным парнем.

– Как вас зовут?

– Клэр.

– Клэр... – Я нарочно протянул ее имя, как бы предлагая назвать и фамилию. Мне было интересно, проверял ли я ее уже в Интернете среди прочих. Толком разглядеть лицо пока не удалось.

– Да, Клэр, – повторила она. – Почти как пирожное эклер. Э-Клэр. – Она снова нервно рассмеялась. Переложила сотовый из левой руки в правую и опустила ладонь на левое колено. Чуть ниже костяшек ее пальцев была заметная царапина в дюйм длиной, совсем свежая и едва переставшая кровоточить.

– Вы где-то поранились, Клэр? – поинтересовался я, кивнув на ее пальцы.

Клэр тоже посмотрела на руку.

– Вот ведь проклятие! А я-то даже не обратила внимания. Один придурок слонялся по «Пэтчетсу», натолкнулся на меня и прижал руку к краю стола. Типа решил приударить. – Она поднесла пальцы к лицу и подула на царапину. – Ничего, жить буду.

– Вы еще не в том возрасте, чтобы быть там клиенткой, – заметил я, глянув на нее с притворной суровостью.

Она перехватила мой взгляд и лишь закатила глаза:

– Да, но вы же все понимаете.

Мы проехали с полмили, не произнеся больше ни слова. Ее мобильник, насколько я мог видеть при скудном свете с приборной доски, был зажат дисплеем вниз между правой рукой и бедром. Клэр склонилась вперед и чуть вбок, чтобы посмотреть в боковое зеркальце.

– Этот тип просто сидит у вас на бампере, – заметила она.

В моем зеркальце заднего вида отражался яркий свет. Сразу за нами ехал то ли внедорожник, то ли пикап, чьи дополнительные фары были установлены на достаточной высоте, чтобы освещать мой салон через заднее стекло. Я немного надавил на педаль, но лишь для того, чтобы включились красные тормозные огни, и водитель другой машины чуть увеличил дистанцию. Клэр продолжала наблюдать в зеркало. Она явно проявляла к нашему преследователю повышенный интерес.

– Вы в порядке, Клэр? – спросил я.

– Что? Ах да! Я в норме. Все отлично.

– По-моему, вы немного нервничаете.

Она покачала головой.

– Вы уверены? – уточнил я, повернувшись к ней.

– На все сто.

Лгала она не слишком убедительно.

Мы ехали по Денберри – шоссе на четыре полосы с пятой в центре, отведенной для поворотов налево. Вдоль него тянулись рестораны быстрого питания, огромные магазины вроде «Хоум депо», «Уол-марта», «Таргета» и еще полдюжины столь же известных по всей стране торговых точек, из-за которых порой не знаешь, где находишься: в Туксоне или в Таллахасси.

– Скажите, – обратился я к Клэр, – вы хорошо знали Скотта?

Она пожала плечами:

– Да так, просто по школе. Мы не слишком часто тусовались вместе и вообще общались, но я его знала. И была искренне опечалена тем, что с ним стряслось.

Я никак не отреагировал.

– Мы все в таком возрасте делаем глупости, творим черт-те что, верно? Но только с большинством ничего серьезного не происходит.

– Верно, – кивнул я.

– Напомните, когда это случилось? – попросила Клэр. – Мне кажется, и нескольких недель не прошло.

– Завтра исполнится ровно два месяца, – ответил я. – Двадцать пятого августа.

– Ничего себе! Да, я теперь припоминаю. Занятия в школе еще даже не начались. Потому что тогда бы только и говорили об этом. Ну там, в классе, на переменах, во дворе – однако ничего такого не было. А когда мы пришли в школу, все уже успели вроде как даже забыть о случившемся. – Она приложила пальцы левой руки к губам и виновато посмотрела на меня. – Простите, я совсем не то собиралась сказать.

– Ничего страшного.

Мне о многом хотелось расспросить ее. Вот только вопросы у меня были не слишком простые, а наше знакомство не продлилось еще и пяти минут. Едва ли стоило строить из себя следователя из министерства национальной безопасности. После несчастья я изучил список контактов Скотта в «Фейсбуке», и, хотя почти наверняка мне попадалась в нем и Клэр, я пока не мог ее припомнить. К тому же я прекрасно понимал, как мало значила на самом деле «дружба» в социальных сетях. У Скотта в друзьях числилось много людей, которых он почти не знал, включая хорошо известных художников – книжных иллюстраторов и прочих мелких знаменитостей, которые продолжали регулярно заходить на свои странички в «Фейсбуке».

Позже у меня будет возможность разузнать про нее. А в другой раз она ответит и на несколько моих вопросов о Скотте. Я ведь подвезу ее домой в дождь, заручившись добрым к себе отношением. Клэр могла знать то, что ей самой не виделось чем-то важным, зато оказалось бы полезным для меня.

Словно прочитав мои мысли, она сказала:

– О вас ходят слухи.

– Неужели?

– Да. Ребята болтают в школе.

– Обо мне?

– Да, немного. Они знают, чем вы занимаетесь и кем работаете. И им известно, что вы делали в последнее время.

Наверное, мне не следовало удивляться.

– Лично мне вам сообщить нечего, – добавила Клэр, – так что нет даже смысла расспрашивать.

Я на секунду перевел взгляд от покрытого водой асфальта на свою попутчицу, но ничего не ответил.

– Я догадалась, что у вас на уме. – Клэр ненадолго задумалась и продолжила: – Только не думайте, что я вас осуждаю или виню за то, что вы делаете. Мой папа, скорее всего, поступил бы так же. Он порой бывает правильный и принципиальный по некоторым вопросам, но далеко не по всем. – Она повернулась ко мне лицом. – Я считаю, нельзя судить о людях, пока не узнаешь их как следует. Согласны? Надо понимать: в прошлом у них могло случиться что-то такое, отчего они теперь смотрят на мир иначе. Взять, например, мою бабушку – она уже умерла. Всю свою жизнь она экономила и откладывала деньги до самой смерти, когда ей уже стукнуло почти девяносто, потому что пережила когда-то Великую депрессию. А я ни о чем подобном даже не слышала. Только позже кое-что почитала. Зато вы наверняка знаете про ту Депрессию, да?

– Знаю. Однако хотите верьте, хотите нет, но я родился немного позже.

– Я это к тому, что мы все считали бабулю жалкой скрягой, а на самом деле она просто хотела быть готовой к новым неприятностям... Нельзя ли заехать ненадолго в «Иггиз»?

– Куда?

– Вон туда. – Она указала пальцем через лобовое стекло.

Я прекрасно знал, где расположен «Иггиз». Просто не понимал, зачем ей понадобилось это известное в Гриффоне и его окрестностях заведение, где продавали гамбургеры и мороженое. Оно находилось там более пятидесяти лет, если верить местным старожилам, и устояло и после того, как по соседству появился «Макдоналдс». Даже те горожане, кто предпочитал бигмак всем остальным бургерам, порой заворачивали в «Иггиз», чтобы отведать фирменной, нарезанной вручную хрустящей жареной картошки, присыпанной морской солью, и мороженого на основе натуральных молочных коктейлей.

Я, конечно, согласился подвести Клэр домой, но останавливаться у окошка выдачи «Иггиза» для автомобилистов не входило в мои планы и казалось совершенно излишним. Однако не успел я возразить, как Клэр объяснила:

– Мне туда нужно вовсе не за едой. Просто вдруг что-то желудок скрутило – пиво, знаете ли, иногда странно на меня действует. И дело срочное. Могу ненароком испачкать вам машину. Не хочется, чтобы меня вырвало прямо здесь.

Я включил мигалку и подъехал к ресторану, свет фар отражался в его витрине и слепил глаза. «Иггизу» недоставало показного блеска «Макдоналдса» или «Бургер кинг» – их доска с меню все еще представляла собой панель, где черные буквы из пластмассы вставлялись в белые полосы-прорези, – но зал был просторным и даже в такое позднее время не пустовал. Неопрятно одетый мужчина, весь облик которого вкупе с огромным рюкзаком выдавал в нем бездомного, нашедшего приют от дождя, пил кофе. В паре столов от него женщина делила порцию жареной картошки между двумя девочками в одинаковых розовых пижамах. Малышкам не могло быть больше пяти лет. Интересно, почему они здесь? Мне представилась семья с сильно пьющим и склонным к насилию отцом. Вот они и приехали сюда, дожидаясь, когда он заснет и можно будет спокойно вернуться домой.

Машина еще не успела остановиться, а Клэр уже наматывала на запястье ремень сумки, собирая вещи так, словно готовилась к поспешному бегству.

– Вы уверены, что все будет в порядке? – спросил я, переводя рычаг коробки передач в парковочное положение. – Я имею в виду не только тошноту.

– Да, да, уверена. – Она выдавила из себя короткий смешок.

Я же отлично заметил фары другой машины, свет которых мелькнул рядом, когда Клэр взялась за дверную ручку.

– Скоро вернусь. – Она выскочила наружу и захлопнула за собой дверцу.

Подняв сумку и держа ее на уровне лица как защиту от дождя, она бегом бросилась к входу. Затем исчезла в задней части ресторанного зала, где находились туалеты. Я же пригляделся к черному пикапу, стекла которого были так плотно тонированы, что водителя рассмотреть не получалось. Автомобиль остановился в нескольких стояночных местах от моего.

Я снова взглянул внутрь ресторана. Вот ведь положение: поздним вечером я ждал почти незнакомую девушку – к тому же еще несовершеннолетнюю, – пока ее тошнило после неумеренной и не разрешенной ей выпивки. Надо же было с моим опытом угодить в подобную ситуацию! Но после того, как Клэр упомянула о некоем парне в пикапе, представлявшем угрозу...

Пикап?¹

¹ Игра слов. *Pick up* – «подцепить девчонку» (англ., жарг.). – Здесь и далее примеч. пер.

Я снова посмотрел на черный полугрузовик, который на самом деле мог оказаться и темно-синим, и серым – трудно разобрать в такую промозглую погоду. Если кто-то из него вышел и тоже направился в ресторан, то я этот момент упустил.

Прежде чем сажать Клэр в машину, я, конечно, должен был посоветовать ей позвонить родителям. Тогда они сами заехали бы за ней.

Однако тут она упомянула о Скотте.

Я достал свой сотовый и проверил, не получил ли электронных писем. Ничего не пришло, но это занятие помогло убить лишних десять секунд. Потом я выбрал предварительно внесенную в память телефона волну 88,7, на которой работала радиостанция из Буффало, но не смог сосредоточиться на словах диктора.

Клэр отсутствовала уже пять минут. Сколько времени требуется, чтобы избавить желудок от пищи? Тыходишь в туалет, делаешь свои дела, плескаешь в лицо воду и выходишь наружу.

Может, Клэр чувствовала себя намного хуже, чем сознавала? Или же она так перепачкалась, что теперь ей приходилось приводить себя в порядок?

Великолепно!

Я положил пальцы на ключ зажигания, готовясь повернуть его. *Ты можешь просто взять и уехать.* У нее есть мобильник. Она позвонит кому-то еще и попросит забрать отсюда. Ничто не мешает мне отправиться своей дорогой. Я не несу за Клэр никакой ответственности.

Хотя нет, это было не так. Как только я согласился подвезти ее, доставить домой, ответственность за нее легла на мои плечи.

Я снова взглянул на пикап. Он стоял на том же месте.

Я еще раз осмотрел внутреннее пространство ресторана. Бездомный мужчина, женщина с двумя девочками. А теперь прибавились еще и паренек с девушкой лет двадцати, пристроившиеся в кабинке у витрины и делившие между собой банку колы и порцию жареных куриных палочек. Другой мужчина с черными волосами в коричневой кожаной куртке стоял рядом со стойкой спиной ко мне и как раз делал свой заказ.

Семь минут.

Любопытно, подумал я, как это будет выглядеть, если сейчас здесь появятся родители Клэр, пытающиеся разыскать ее? И обнаружат меня, местного частного сыщика Кэла Уивера, ждущего ее в таком месте. Поверят ли они, что я честно собирался доставить Клэр домой? Что согласился подбросить, поскольку она была знакома со Скоттом? Что мною руководили исключительно чистые помыслы?

На их месте я бы не принял подобного объяснения. Да и мотив мой не был стопроцентно бескорыстным. Я всерьез обдумывал возможность получить у нее какую-то информацию о Скотте, хотя почти сразу отбросил эту идею.

Но сейчас меня удерживала на месте уже не надежда услышать ответы на свои вопросы. Не мог же я бросить здесь юную девушку в столь поздний час? Не мог. По крайней мере, не предупредив об отъезде.

Я решил зайти внутрь и разыскать Клэр, убедиться, что с ней все в порядке, а потом сказать, чтобы дальше добиралась до дома сама. Дать денег на такси, если ей некому позвонить. Я выбрался из своей «Хонды», зашел в ресторан и осмотрел все столики на тот случай, если Клэр все же решила ненадолго присесть. Не обнаружив ее в зале, я направился к туалетным комнатам, располагавшимся всего в нескольких ступеньках от другого стеклянного выхода.

Потоптавшись в нерешительности у двери с надписью «Женский», я справился с волнением и приоткрыл ее на полдюйма.

– Клэр? Клэр, у тебя все хорошо?

Ответа не последовало.

– Это я, мистер Уивер.

Тишина. Я открыл дверь на добрый фут и осмотрел помещение. Пара раковин с кранами, сушилка для рук на стене, три закрытые кабинки. Двери были покрашены тусклой желтовато-коричневой краской. Петли слегка пузырились от ржавчины. Пространство между нижними краями и полом достигало фута, однако ног внутри я не разглядел.

Я сделал пару шагов вперед, протянул руку и мягко дотронулся до двери первой кабинки. Незапертая, она плавно поддалась и открылась. Даже не знаю, какие чудеса я ожидал увидеть. Еще до того, как я открыл дверь, стало ясно, что там никого нет. Но тут же яркой вспышкой мелькнула мысль: а если бы кто-нибудь был внутри? Клэр или другая особа женского пола?

Не слишком умно с моей стороны находиться здесь.

Я вышел из туалета и быстрым шагом пересек зал ресторана, выискивая Клэр. Бездомный бродяга, женщина с двумя детьми...

Но вот мужчина в коричневой кожаной куртке, которого я заметил раньше, когда он заказывал еду, пропал.

– Сукин ты сын, – выругался я.

Выйдя на улицу, я сразу заметил, что на прежнем месте нет черного пикапа. Затем я его увидел. Он пытался выехать на Денберри, включив указатель поворота и дожидаясь только разрыва в транспортном потоке. За тонированными стеклами было не видно, находится ли в салоне кто-то помимо водителя.

Шофер пикапа выбрал нужный момент и свернул на юг в сторону Ниагарского водопада. Двигатель взревел, шины заскрипели по мокрому асфальту.

Не на этот ли пикап указала мне Клэр, когда я посадил ее у бара «Пэтчетс»? И если так, то, значит, за нами следили. Был ли водителем мужчина в коричневой куртке? Захватил ли он Клэр силой? Или же она сама решила, что он не представляет угрозы, мерещившейся ей прежде, и позволила подвести себя до дома?

Проклятие!

У меня даже участилось сердцебиение. Я потерял Клэр. Верно, я изначально не хотел с ней связываться, но сейчас запаниковал, когда она исчезла. Я лихорадочно размышлял над планом дальнейших действий. Последовать за грузовичком? Позвонить в полицию? Плюнуть и забыть об этом происшествии?

Следовать за пикапом!

Да, логика подсказывала именно такое решение как самое рациональное. Догнать его, поравняться, постараться разглядеть девушку в кабине, убедиться, что с ней все...

А вот, собственно, и она.

Сидит в моей машине. На пассажирском месте, уже пристегнутая ремнем безопасности. Светлые пряди свисают ниже глаз.

Дождется меня.

Я сделал пару глубоких вдохов, подошел к «Хонде», сел за руль и захлопнул дверь.

– Где вас, черт побери, носило? – спросил я, устроившись на своем сиденье и включив освещение в салоне секунды на три. – Вы торчали там так долго, что я уже начал волноваться.

Клэр смотрела в окно пассажирской дверцы, отклонившись подальше от меня.

– Я вышла через заднюю дверь, наверное, как раз в тот момент, когда вы вошли внутрь. – Она пробормотала эти слова себе под нос, и голос прозвучал чуть грубее, чем прежде. Видимо, приступ тошноты повлиял и на голосовые связки.

– Вы меня здорово испугали, – сообщил я.

Но едва ли стоило набрасываться на Клэр с упреками. В конце концов, она не мой ребенок и через несколько минут окажется дома.

Я задним ходом выехал со стоянки, а потом тоже свернул на Денберри к югу. Клэр по-прежнему прижималась к своей дверце, словно стремилась держаться от меня как можно дальше. Почему она стала опасаться меня именно сейчас? Я не припоминал ничего, чем мог

внушить ей такой страх. Клэр встревожило мое желание непременно отыскать ее в ресторане? Может, я невольно перешел одной ей известную черту?

Однако было кое-что еще, показавшееся мне странным и никак не связанное с моими собственными поступками. То, что я заметил в краткие секунды, когда в машине загорелся свет.

И только сейчас я начал понимать, что именно.

Прежде всего – ее одежда.

Она была сухой. Джинсы не потемнели от дождя. Конечно, я не мог протянуть руку, коснуться ее колена и убедиться, что оно не мокрое, но я и так в этом не сомневался. Не могла же Клэр стащить с себя брюки в туалете и держать их под сушилкой для рук, верно? Эти аппараты с рук-то едва удаляли влагу. Высушить под ними джинсы было бы невозможно.

Но это еще не все. Меня встревожила другая деталь, гораздо более серьезная, чем сухая одежда. Может, мне только почудилось, ведь свет в салоне горел считанные секунды?

Чтобы удостовериться, необходимо было включить его снова.

Я нащупал расположенную рядом с рулевой колонкой кнопку и нажал на нее. Лампочка под потолком машины загорелась.

– Извините, – сказал я, – но мне вдруг показалось, что я еще днем забыл в «Хоум депо» свои солнцезащитные очки. – Правой рукой я принялся шарить в бардачке на приборной доске. – О, слава богу! Они на месте.

И я снова выключил свет. На этот раз его хватило для полной уверенности.

Ее левая рука. На ней не было никакой царапины.

Глава 2

Но я ведь отчетливо разглядел ранку на пальцах Клэр и крошечные капельки крови! И она получила это повреждение (пусть самое пустяковое) всего за несколько минут перед тем, как оказалась в моей машине у «Пэтчетса».

Либо Клэр принадлежала к числу людей Икс, обладавших суперспособностью к мгновенной регенерации, либо я приехал на стоянку перед «Иггизом» вовсе не с этой девушкой.

Пока мы двигались вдоль Денберри, у меня возникло ирреальное ощущение, что я стал персонажем из сериала «Сумеречная зона». Однако все происходило на самом деле и, значит, имело вполне разумное объяснение.

Я принялся обдумывать варианты.

Эта девушка была одета и выглядела почти как Клэр. Синие джинсы и короткий темно-синий жакет. Те же длинные светлые локоны. Но, бросив на нее еще один взгляд, я заметил, что и волосы намокли не так сильно, как у Клэр. Еще в них было нечто странное – словно прическа немного съехала набок. Я понял, что передо мной обыкновенный парик.

– Нам скоро сворачивать или еще нет? – нарушил я молчание.

Девушка кивнула и указала вперед:

– Скоро. На втором светофоре отсюда сверните налево.

– Хорошо, – сказал я. И после паузы поинтересовался: – Вам уже лучше?

Снова кивок.

– Ожидая вас так долго, я начал опасаться, что вам на самом деле гораздо хуже, чем казалось.

– Я уже полностью оправилась, – очень тихо отозвалась она.

Неожиданно я увидел в зеркальце заднего вида яркий свет. Это снова были фары следовавшего за нами автомобиля.

– Вы начали рассказывать, – произнес я, – как познакомились с моим сыном.

– Ну так что же? – небрежно спросила девушка.

– Просто мне стало интересно, где это случилось. Ну, когда он испачкал вам одежду своим мороженым из вафельного рожка.

– Ах, это. – Она больше не отворачивалась к окну, но все же держала голову так, что парик скрывал половину лица. – Да, смешно вышло. Это было в торговом центре «Галерея». Я столкнулась с ним в кофейном дворике. То есть в буквальном смысле. Он ел свое мороженое в рожке, и шарик вывалился, упав прямо мне на кофточку.

– Неужели? – сказал я.

Мы как раз стояли на светофоре, где мне полагалось свернуть налево. Машина, ехавшая за нами, расположилась теперь правее, явно собираясь следовать прямо. Это был внедорожник, а не пикап вроде того, что я видел рядом с «Иггизом».

Прежде чем включился зеленый сигнал, я спокойно поинтересовался:

– И долго вы собираетесь этим заниматься?

– Чем? – От неожиданности она растерялась и чуть было не повернулась ко мне лицом, но вовремя спохватилась.

– Играть свою роль. Долго еще? Потому что я прекрасно знаю, что вы – не Клэр.

Вот теперь она прямо посмотрела на меня, и ее страх стал почти физически ощутимым, хотя она ничего не сказала.

– У вас не так уж плохо получилось, – продолжал я. – Волосы, одежда. Образ почти убедительный. Но у Клэр на левой руке была свежая царапина. Она совсем недавно поранилась. Еще в «Пэтчетсе».

– Царапина не имела значения, – по-прежнему тихо проговорила девица. – Издалека ее никто не разглядел бы, а вблизи она была не так уж важна.

– О чем это вы толкуете?

Она прикусила нижнюю губу:

– Мы хотели заставить таких, как, например, вы, поверить, что я – это Клэр. Теперь понятно? Только не делайте глупостей.

– Почему? Вы считаете, за нами кто-то следит? – Я сделал широкий жест рукой. – На нас направлены камеры со спутника?

– Был тот пикап некоторое время назад. Может, его шофер. Я не знаю. Возможно, кто-то другой.

Теперь я понимал, почему эти две девицы решили, что им без труда удастся провернуть такой трюк. У моей новой попутчицы в ногах лежало нечто знакомое. Значит, она приблизилась к моей машине с точно такой же большой красной сумкой, как и у Клэр. Вероятно, даже с той же самой.

У девушки был схожий с Клэр цвет лица – светлый, почти фарфоровый. И черты отличались не слишком сильно. Форма головы чуть более овальная, а нос у Клэр был немного короче, как мне показалось, хотя, если честно, я не успел как следует ее рассмотреть. Еще они были идентичного телосложения: худощавые, примерно пяти футов и шести дюймов ростом. Издалека их несложно было бы перепутать, особенно в темный и дождливый вечер, а уж довершали дело одежда, парик и сумка. Если бы мне сказали, что они родные сестры, я бы охотно поверил. И потому на всякий случай спросил:

– Вы с ней сестры?

– Что? Нет.

– А похожи. Хотя вам надо было лучше поработать над прической. Парик немного скобочился.

– О чем это вы?

– Да о вашем парике. Он сидит неровно. – Она тут же поправила волосы. – Так уже лучше. Гораздо более похоже на Клэр. Неплохо сработано.

– Она купила его в магазине костюмов для Хэллоуина в Буффало, – сообщила девушка. – Пожалуйста, довезите меня теперь до дома Клэр, куда и собирались. Это уже совсем рядом.

– Я все еще пытаюсь разобраться, как все произошло. Вы, должно быть, поджидали ее в туалете. Она заходит, вы выходите, одетая почти как она. Вы покинули ресторан через боковую дверь, когда я заходил в основную. Я заглянул в дамскую комнату. – Девушка окинула меня изумленным взглядом. – Клэр пряталась там до тех пор, пока мы с вами не уехали?

Я представил Клэр, стоящую на стульчаке унитаза во второй или в третьей кабинке, чтобы не было видно ног. Мне следовало продолжить поиски, а не ограничиваться лишь дверью первой кабинки.

– Наверное, – угрюмо кивнула она.

– И цель была в том, чтобы ее преследователь переключился на вас, да? Клэр теперь свободна, может удрать и делать то, о чем не нужно знать тому, кто наблюдал за ней.

– Ух ты! – ухмыльнулась она. – Да вы просто гений.

– Все дело в парнях? – спросил я.

– А?

– Какой-то парень преследует Клэр, а она хочет от него отделаться и встречаться с другим, верно?

Девушка фыркнула себе под нос:

– Во! Точно. Как раз так все и обстоит.

– Но вы сказали, что следить мог и кто-то другой. Ее преследует не один, а сразу несколько ухажеров?

– Я такое говорила? Что-то не припоминаю.
– Как вас зовут?
– Не важно.
– Хорошо, забудем об имени. Если тут проблема не в парнях, тогда в чем же, черт возьми?
– Послушайте, вас ничто не должно волновать. Это никак не связано со мной и уж тем более – с вами.

– У Клэр возникли какие-то проблемы?
– Скажу еще раз, мистер... Вы ведь мистер Уивер, верно? Клэр упоминала, что вы отец Скотта.

Я кивнул.

– Вы тоже были знакомы со Скоттом?

– Да, само собой. Мы все с ним были знакомы так или иначе.

– А вы хорошо его знали?

– Не слишком. Послушайте, я ничего не знаю, ясно? Просто высадите меня. Где угодно.

Можно прямо здесь. И забудьте о том, что произошло. Это вас никак не касается.

Я наблюдал, как «дворники» двигаются по лобовому стеклу, очищая его от воды.

– Теперь касается. Вы с Клэр втянули меня в него.

– Мы не нарочно. Дошло?

– Дошло. Клэр должен был забрать от «Пэтчетса» кто-то другой. Но он не приехал, и ей пришлось ловить попутку, так? Тогда кто увез ее из «Иггиза»?

– Остановите машину.

– Перестаньте. Не могу же я бросить вас здесь, на совершенно пустой дороге.

Она отстегнула ремень и ухватила за ручку двери. Мы ехали на скорости тридцать миль в час. Я не ожидал, что она откроет дверь, однако она это сделала. Приоткрыла, может, всего на дюйм, но этого оказалось достаточно, чтобы в салон ворвался мощный поток встречного воздуха.

– Боже милосердный! – воскликнул я, вытягиваясь и пытаюсь добраться до ручки. Но мне это не удалось, и я снова крикнул: – Закройте ее! – Девушка подчинилась. – Вы что, совсем из ума выжили?

– Я хочу выйти! – взвизгнула она так громко, что у меня зазвенело в ушах. – Теперь уже ничто не имеет значения! Клэр удалось освободиться.

– Освободиться от чего?

– Остановите машину и выпустите меня! Или я буду считать это похищением!

Я ударил по тормозам и свернул к обочине. Мы как раз находились в районе, где жилые кварталы пересекались с коммерческой частью города и старые дома соседствовали с магазинами подержанной мебели и электротоваров. Чуть впереди виднелся перекресток с подвешенным над ним светофором, который неспешно переключался с желтого на красный, с красного на зеленый и снова на желтый.

– Послушайте, я могу доставить вас куда угодно, – сказал я. – Вам не нужно выходить. Там льет как из ведра. Просто...

Она распахнула дверь, выставила ноги наружу и выскочила из машины, прихватив свою сумку. Споткнулась, припала одним коленом в траву, сорвала с головы парик и швырнула его куда-то в кусты. Ее волосы тоже оказались светлыми, но доходили ей только до плеч. Вдвое короче, чем волосы Клэр.

Со своего места я не мог дотянуться до открытой теперь пассажирской дверцы, а потому тоже вышел из автомобиля, оставив мотор работающим, обошел машину и захлопнул дверь.

– Перестаньте! – выкрикнул я. – Остановитесь! Никаких больше вопросов. Только дайте отвезти вас домой!

Незнакомка оглянулась всего на секунду и помахала рукой. Как мне показалось, она держала сотовый телефон. То есть хотела показать, что не стоит особо переживать. Кто-то собирался за ней приехать.

Девушка прошагала по лужам, на углу свернула направо и скрылась за дальней стеной ателье по ремонту телевизоров, выглядевшего довольно заброшенным.

Когда она исчезла, у меня появилось тревожное предчувствие. Дождевая вода слепила глаза, заливалась в уши.

Я постарался убедить себя, что она права. Меня ничто не касалось. Это была не моя проблема.

Сев в машину, я развернул ее в обратном направлении.

Проехал мимо черного пикапа, припаркованного с выключенными габаритными огнями на противоположной стороне шоссе. Я точно не видел его здесь прежде, когда затормозил, чтобы не дать девушке выпрыгнуть из машины на ходу.

Я двигался дальше еще примерно полмили, но этот треклятый пикап не шел у меня из головы. Наконец я не выдержал, прижался к обочине, проверил все зеркала и резко развернулся. Через минуту я снова оказался там, где заметил грузовичок.

Он пропал.

Я доехал до светофора, посмотрел вперед, влево, вправо. Ни пикапа, ни девушки нигде не было видно.

И, развернувшись в последний раз, я отправился домой.

Глава 3

Раньше, возвращаясь домой после подобного безумия, я обычно говорил: «Вы просто не поверите, что сегодня произошло».

Но так было в прошлом.

Я вошел примерно в половине двенадцатого, и хотя Донна всегда к этому времени уже лежала в постели наверху, прежде она обязательно спустилась бы вниз, чтобы встретить меня, едва услышав звук хлопнувшей двери.

Или уж, по крайней мере, крикнула бы сверху: «Привет!»

И я бы отозвался: «Привет!»

Но сейчас никаких «приветов» не последовало. Ни от нее, ни от меня.

Я бросил плащ на скамейку перед дверью и тихо прошел в кухню. К ужину я опоздал, что случалось часто, – впрочем, в последние месяцы аппетита у меня все равно почти не было. Пришлось на две дырочки утянуть ремень, чтобы брюки не сползали, а в те редкие дни, когда возникала необходимость надевать галстук, в воротник моей застегнутой на верхнюю пуговицу рубашки свободно помещались два пальца.

В последний раз я ел часов в шесть, сидя в машине и наблюдая за задней дверью мясной лавки в Тонауанде. Опустошил пакет картофельных чипсов «Уайз». Владелец лавки подозревал кого-то из своих работников в воровстве. Не денег – продуктов. У него стали быстрее, чем обычно, заканчиваться запасы говядины для жаркого и бифштексов на Т-образной косточке, и он подумал, что либо мошенничают поставщики, либо таскают свои же.

Я выяснил, в какие часы он обычно оставлял хозяйничать в магазинчике подчиненных, и именно тогда начинал слежку за задней дверью, паркуя свой «аккорд» поодаль, но так, чтобы отчетливо видеть происходившее.

Ждать сейчас пришлось не так уж долго.

Ближе к вечеру с наступлением ранних сумерек жена одного из мясников подъехала к лавке с тыла и отправила по телефону эсэмэску. Десять секунд спустя дверь открылась, и ее муж подбежал к окну машины с плотно набитым и завязанным сверху мешком для мусора. Она взяла мешок, кинула его на пассажирское сиденье и умчалась так стремительно, словно только что ограбила винный склад.

Я снял все это, пользуясь телескопическим объективом, а потом последовал за ней до их дома. Видел, как она внесла мешок внутрь. Было бы еще лучше, если бы я подкрался к кухне и сфотографировал через окно, как она ставит говядину тушиться в духовку, но есть предел и моим возможностям. Конечно, при моей профессии порой приходится и подглядывать в замочную скважину, но в данном случае в этом не было необходимости. Клиенту не требовались доказательства, что дама занимается сексом со своим ужином.

Так что я никогда не шел по следу «Мальтийского сокола»² или похищенного плутония. В реальном мире частного сыска речь обычно шла о краденых продуктах, строительных материалах, бензине или автомобилях. А совсем недавно мне довелось разоблачить похитителя саженцев кедра, пропадавших всякий раз, как только владелец дома вкапывал их в своем саду.

Когда кто-то у вас крадет, вы не только желаете вернуть свое добро, но и обязательно хотите выяснить личность вора. Между тем полиция слишком занята и малочисленна, чтобы уделять внимание столь мелким преступлениям. Признаюсь, расследования единичного случая, однократной кражи трудны даже для меня, но если история повторяется по одному сценарию раз за разом и орудует какой-нибудь серийный воришка, я наверняка смогу вам помочь,

² «Мальтийский сокол» – популярный роман американского писателя Д. Хэмметта, неоднократно экранизированный.

поскольку располагаю временем и способен спокойно ждать, когда сукин сын снова возьмется за свое черное дело.

Нет, это не работа инженера-ракетчика. Здесь нужно лишь терпеливо сидеть в засаде и не позволять себе заснуть от скуки.

Поиски людей в этом смысле представляли не больше сложностей. Мужья и жены, сыновья и дочери пропадали так же часто, как отбивные и дрова, бензин и «тойоты», хотя, судя по моему опыту, зачастую *вещи* хотели разыскать гораздо активнее, чем *людей*. Кто-то угонял ваш пикап, и вы, естественно, стремились его вернуть. Но если однажды вечером домой не являлся ваш муж – вечно пьяный драчливый бабник, – вы могли невольно задаться вопросом, уж не улыбнулась ли вам удача.

Но нам самим в последнее время Фортуна что-то никак не улыбалась.

Я открыл холодильник, достал пиво и вернулся в гостиную, где плюхнулся, как мешок с песком, в кожаное кресло с откидной спинкой. На журнальном столике лежали несколько страниц, вырванных из альбома для рисования, с набросками лица Скотта.

В профиль, в три четверти и анфас, как на фото в паспорте. Рядом с рисунками была разбросана полудюжина заточенных угольных карандашей разной твердости и небольшой сосуд-распылитель фиксирующей жидкости размером с баллончик геля для бритья, какой обычно берут с собой в дорогу. Когда Донна доводила рисунок до стадии, на которой уже не могла продолжать, – а она не завершила ни один, находя в них какие-то дефекты, – то закрепляла изображение фиксатором, чтобы уголь не размазался. Но сохраняла она даже те портреты, на которых, по ее мнению, Скотт совсем не был похож на себя, сберегая на будущее, чтобы потом скопировать хотя бы одну все же удавшуюся черту лица. В комнате стоял запах химиката, и я понял, что она сегодня чуть раньше пользовалась фиксатором. У меня это вещество вызывало удушье.

В этом состояла стратегия выживания Донны. Ей необходимо было рисовать портреты нашего сына. Некоторые по памяти, другие по фотоснимкам. Я находил их по всему дому. Здесь – в кухне, – рядом с кроватью, в ее машине. Один провисел пару дней, прикрепленный скотчем к зеркалу в ванной, и жена рассматривала его, накладывая макияж. Мне казалось, что в том рисунке Донна достигла почти идеального сходства, и она сама, видимо, какое-то время так думала, но потом сняла его и сунула в папку со множеством других отвергнутых вариантов.

– Но ведь рисунок хорош, – сказал я.

– Уши не вышли, – ответила она.

По меркам этих дней, разговор получился более чем продолжительный.

Я сомневался, что ее одержимость желанием создать рисунок, в совершенстве передающий образ нашего сына, была чем-то здоровым и приносила пользу. Как ей самой, так и мне. Если бы Донна с той же страстью, сидя за компьютером, выплескивала свою боль в стихах или воспоминаниях, у меня не возникало бы подобного ощущения. Такой метод примирения с горем стал бы актом более интимным, не затрагивал бы меня прямо, не вовлекал бы до такой степени, хотя она все равно могла бы иногда просить прочитать написанное. Однако наброски портретов безнадежно втягивали меня в порочный круг. От них некуда было деться. Не знаю, помогали ли они Донне, но мне лишь постоянно напоминали о нашей утрате, о жизненном крахе. А тот факт, что столь многие рисунки оставались незавершенными и выходили недостаточно хорошими, особо подчеркивал, насколько глубокими были проблемы самого Скотта.

Естественно, Донне тоже не слишком нравилось, как справляюсь со всем этим я сам.

Я нашел пульт от телевизора под рисунком лица Скотта, на котором один глаз остался не проработанным, почти полностью убрал звук и стал переключать каналы. Они расплодились в невероятном количестве. Программы, целиком посвященные еде, гольфу или комическим сериалам сорокалетней давности. Даже покеру. Люди сидели за столом и играли в карты.

Отличный канал! Что еще они придумают? Парчиси³ в прямом эфире? Я прощелкал двести каналов за пять минут, а потом повторил эту операцию.

Мне было очень трудно хоть на чем-то сосредоточить внимание. Я сам поставил себе диагноз, назвав этот недуг ПТС-ДКВ. Посттравматический синдром дефицита концентрации внимания. Я не мог ни на чем сфокусироваться, потому что сознание постоянно и целиком занимала только одна мысль. Мне удавалось справляться с работой (более или менее), но он всегда присутствовал на заднем плане – этот своего рода белый шум⁴.

Наконец я остановил свой выбор на новостях одной из телестудий в Буффало.

Троих жителей ограбили перед винным магазином в Кенморе. В Уэст-Сенеке мужчина натравил своего питбуля на женщину, которой пришлось потом наложить тридцать швов. Владелец собаки заявил полиции, что она «странно посмотрела на пса». В Чиктоуаге имел место случай «обстрела с велосипеда». Крутивший педали мужчина трижды выстрелил в сторону дома, ранив в плечо хозяина, сидевшего на диване в своей гостиной и смотревшего сериал «Все любят Рэймонда». Двоих мужчин срочно доставили в медицинский центр округа Эри после того, как их подстрелили на выходе из бара. Отделение кредитного союза на Мэйн-стрит подверглось ограблению. Незвестный сунул кассиру записку, утверждая, что вооружен пистолетом, хотя оружия при нем так никто и не заметил. И словно всего этого было мало, полиция Буффало вела поиски троих подростков, которые ударили ножом четырнадцатилетнего мальчишку на задворках одного из домов на Ласаль-авеню, а потом облили бензином и чиркнули спичкой. Парень находился в больнице, еще живой, но никто не мог предсказать, как долго он протянет.

Только за один вечер.

Я выключил телевизор и просмотрел сегодняшний номер «Буффало ньюс», засунутый в плетеную стойку для периодики рядом с креслом. Отдельные тематические разделы газеты Донна куда-то дела днем. На полосе, посвященной новостям из мелких населенных пунктов, окружавших огромный Буффало, я обнаружил статью, обвинявшую нашу местную полицию в излишней жестокости во время проводившегося в августе Гриффонского джазового фестиваля. Тогда несколько парней из другого города устроили драку, прервали концерт и начали красть напитки из пивной палатки, а полицейские из Гриффона, по утверждению автора, не произвели положенных по закону арестов и не выдвинули обвинений. Они запихнули хулиганов в свои машины и отвезли к городской водонапорной башне. А там выбили им достаточное количество зубов, чтобы получилось целое ожерелье.

Мэр Берт Сэндерс заявил, что сделает своим приоритетом дисциплинарные меры в отношении несдержанных охранников порядка, но не получил особой поддержки ни от членов городского совета, ни от добропорядочных жителей Гриффона. Последних не волновало, скольких зубов лишилось иногороднее хулиганье, лишь бы наше тихое местечко ничем не напоминало Буффало.

Мегаполис располагался менее чем в часе езды от нас, но по сравнению с Гриффоном казался подобием другой планеты. Население Гриффона составляло восемь тысяч человек и резко увеличивалось летом. В это время к нам съезжались туристы, чтобы спустить на воду лодки и порыбачить на реке Ниагара, поучаствовать в праздниках вроде упомянутого джазового фестиваля и побродить по мелким сувенирным лавочкам, все еще привлекавшим клиентов, несмотря на мощную конкуренцию со стороны новых торговых центров, заполонивших западную часть штата Нью-Йорк. Всех этих «Косткосов», «Уол-мартов» и «Таргетов».

³ Парчиси – другое название «Двадцать пять» – популярная в США упрощенная адаптация старинной индийской настольной игры.

⁴ Физическое понятие, часто применяемое в психологии. Частотные параметры белого шума близки к звуку расположенного поблизости водопада.

Сейчас, в конце октября, Гриффон вернулся в свое обычное полусонное состояние. Уровень преступности оставался так низок, что не вызывал беспокойства. Нет, двери своих домов люди привыкли крепко запирают – ищи дураков! – но в городке не имелось ни одного уголка, где страшно было бы оказаться с наступлением темноты. Закрываясь вечером, владельцы магазинов не опускали на витрины тяжелые металлические ставни. В три часа ночи над нашими головами не кружили вертолеты, высвечивая окрестности мощными прожекторами. Но все же ощущение некоторой тревоги присутствовало, объясняясь близостью Буффало, где преступность примерно в три раза превышала средний по стране показатель, а сам город регулярно попадал в список двадцати наиболее опасных для жизни крупных населенных пунктов Америки. Горожане опасались, что в любой момент бесчинствующие орды могут рвануть на север, подобно смертоносным зомби, и положить конец нашему более-менее спокойному существованию.

А потому обитатели Гриффона готовы были многое прощать своим полицейским. Глава ассоциации местных бизнесменов выступил с призывом к гражданам поставить подписи под письмом в поддержку действий полиции. В каждом магазине центра городка лежала копия петиции, озаглавленной «Обойди хоть целый свет – лучше наших копов нет!», и те, кто подписывал ее, чувствовали не только моральное удовлетворение, но и получали пятипроцентную скидку на покупки. Вот такой нашли способ выразить благодарность за обеспечение своей безопасности.

При этом нельзя сказать, что в Гриффоне не происходило вообще никаких неприятных случаев. И у нас изредка возникали проблемы. Гриффон все же не Мэйберри⁵.

Мэйберри больше нет нигде.

Я посмотрел на фотографию в рамке, стоявшую на книжной полке в дальнем конце комнаты. Донна, я и Скотт посередине. Снято, когда ему было тринадцать. Как раз в то время он формально стал старшекласником.

Еще до начала бурных событий.

Он улыбался, но осторожно, не показывая зубов, потому что всего пару недель назад ему поставили скобки, и он не забывал об этом, постоянно ощущая их во рту. На снимке у него неловкий, даже несколько смущенный вид – взрослый парень чувствовал себя, наверное, как в ловушке, попав в родительские объятия. Оно и понятно. Что только в таком возрасте не создает для подростка ощущения дискомфорта! Родители, школа, девочки. Необходимость быть как все, вписаться в окружение становилась более сильным мотивом, чем получить пятерку за контрольную по математике.

Он неизменно стремился стать как все, но не мог изменить свой характер, чтобы добиться этого.

Скотт был не совсем обычным парнишкой: например, записывал на айпод музыку Бетховена, а не какого-нибудь Бибера. Он любил все, что относилось к разряду классики: в музыке, в кино, даже в автомобилях. Уже упомянутый «Мальтийский сокол» красовался на стене в его комнате в виде старой киноафиши 1940-х годов. А на книжной полке стояла сборная модель «Шевроле» выпуска 1957 года. И в литературе Скотт решительно провел черту, отделявшую классику от всего остального. Причем никогда не брался за романы толщиной в четыре сотни страниц и более, что врачи определили как синдром дефицита концентрации внимания. Возможно, их диагноз был более точен, чем тот, что теперь поставил себе я сам, хотя мне не слишком-то верилось в такие «заболевания».

Но при этом Скотту нравились и лучшие из новомодных графических романов⁶. «Черная дыра», «Вальс с Баширом», «Возвращение Темного рыцаря», «Маус».

⁵ Вымышленный «идеальный» город, в котором происходило действие двух популярных в США телевизионных сериалов.

⁶ Разновидность комикса, где содержание крупного литературного произведения передается в рисунках.

Вот только, если не считать этих графических романов, он почти не разделял увлечений своих сверстников. Его оставляла равнодушной песня «Биллз», ставшая в наших краях чуть ли не основой новой молодежной религии, и ему понадобилось бы вставить спички в глаза, чтобы смотреть приключения дурачков из сериала «На берегах Джерси», на отчаянно избалованных домохозяек, на свихнувшихся от денег скряг или следить за героями реалити-шоу, ставшими кумирами его приятелей. Зато ему нравилась комедия о четверых молодых занудах-ученых. Мне казалось, он находил в этих персонажах своего рода поддержку собственным мыслям. Подкреплялась его надежда, что ты можешь быть крутым и не слишком крутым одновременно.

Как ни хотелось ему иметь друзей, он не собирался, чтобы расширить их круг, изображать любопытство к неинтересным для себя вещам. Но затем, позапрошлым летом, на еще одном традиционном концерте в Гриффоне, где выступали несколько музыкальных групп альтернативного течения, Скотт познакомился с двумя парнями из окрестностей Кливленда, проводившими у нас каникулы, и общее презрение к популярной культуре стало почвой для первоначального сближения. Новые друзья успели обнаружить, что издеваться над окружающим миром гораздо легче, если слегка размыть его реальные контуры, и достигали этого с помощью выпивки и марихуаны. Что ж, не они первые.

Я сам не мог бы сказать, что мне подобная история оказалась в новинку.

В поведении Скотта наметились перемены. Сначала по мелочам. Он стал более скрытным, однако много ли на свете подростков, которые, взрослея, не стремятся хранить свои секреты от взрослых? Но затем встал вопрос о взаимном доверии. Мы давали Скотту деньги на приобретение вещей, например, в «Уолгринсе», а он возвращался, купив едва ли половину необходимого и с пустыми карманами. Возросла его забывчивость. Ухудшились оценки в школе. Скотт часто заявлял, что им ничего не задали на дом, но затем из школы приходило уведомление: ваш сын не сдает домашние работы и часто прогуливает занятия. Правила, которых он прежде свято придерживался: честность с нами, выполнение обещаний, своевременная явка домой, – больше ничего для него не значили.

Я никогда не считал спиртное и травку причиной всего этого. Я был далек от дидактики дешевых пропагандистских фильмов, уверявших, что именно марихуана столь пагубно воздействует на умы подростков, обращая их против своих родителей. Мне казалось, основной причиной являлся переходный возраст. И еще желание влиться в свой круг. Скотт связался с парнями, для которых спиртное и дурь стали частью образа жизни, и, когда в конце лета они вернулись к себе в Огайо, у нашего мальчика уже тоже появились вредные привычки.

Мы молили Бога, чтобы это оказалось лишь кратким этапом в развитии его личности. Все юнцы ставили на себе подобные эксперименты, верно? Кому не доводилось выпить лишнюю кружку пива, выкурить на косячок-другой больше, чем подсказывал здравый смысл? И все же мы читали ему нотации – неоднократно и долго – о необходимости сделать в жизни правильный выбор. Боже, какая чушь собачья! На самом деле парень нуждался в хорошем пинке под зад. Ему можно было помочь, только посадив под замок, пока ему не исполнилось бы двадцать.

И, возможно, если бы нам хватило ума понять, что он перейдет на нечто более крепкое и опасное, мы бы так и поступили.

Потому что при вскрытии в его крови обнаружили следы не только пива и травки.

Мы с Донной бесконечно обсуждали, как выручить его из беды. Записать в специальную программу реабилитации, например. Ночами напролет мы сидели в Интернете в поисках выхода, читали истории, написанные другими родителями, обнаружив, насколько мы не одиноки в своей беде, хотя это и не приносило ощутимого утешения. И по-прежнему не знали, какой путь наилучший, как нам быть дальше. Мы в разных вариантах и в разной степени прибегали к разным способам, но одинаково безуспешно. Кричали. Пилили. Подвергали эмоциональному шантажу. Сулили вознаграждение за примерное поведение. «Сдай этот экзамен по

математике, и получишь новый айпод». Пытались внушить чувство вины. Я говорил ему: то, что ты творишь, убивает твою маму. Донна твердила: твои поступки сводят в могилу отца.

Но в глубине души мы все же позволяли себе думать (по крайней мере я): да, все плохо, но не так уж плохо. Миллионы детей в подростковом возрасте имеют те же проблемы, но благополучно со временем выбираются из них. Я сам, будучи подростком, не то чтобы часто напивался, но раз в неделю непременно позволял себе лишнее. Мне же удалось миновать этот период.

Мы обманывали сами себя.

Проявляли чудовищную глупость.

Нам требовалось сделать гораздо больше и намного быстрее. Меня эти мысли снедали каждый день, и я знал, что Донна проходит через те же терзания. Мы винили самих себя, а случались дни, когда начинали винить друг друга.

«Почему ты не сделаешь хоть что-нибудь?»

«Я? Лучше скажи, почему ничего не делаешь ты?»

Если честно, я понимал, что виноват в большей степени. Он был мальчишкой. Я – его отцом. Почему же я не смог до него достучаться? У меня наверняка была возможность установить с ним более тесный контакт, сойтись ближе, чем смела рассчитывать Донна. Мне следовало использовать весь опыт, накопленный за годы предыдущей работы, чтобы вбить ему в голову хотя бы немного разума.

За чтением газеты, не вникая в прочитанное, за просмотром телепрограммы, не осознавая, о чем идет речь, за пивом, когда одна банка сменяла другую, я незаметно провел два часа. И прикинул, что теперь Донна должна уже действительно спать, а не притворяться спящей.

И оказался прав.

Когда я поднялся наверх, единственный свет проникал из примыкавшей к спальне ванной. Поднимись я раньше, Донна бы тоже лежала с закрытыми глазами, но только делала бы вид, что спит. Ты зря прожил с человеком двадцать лет, если не научился за эти годы различать, спит он на самом деле или лишь пытается обмануть тебя. Впрочем, это не имело значения. Я бы все равно не попытался раскрыть ее маленький обман. Таковы теперь стали правила игры. «Я сделаю вид, что сплю, и тебе не придется испытать неловкость от необходимости разговаривать со мной».

Я разделся в ванной, почистил зубы, выключил свет и легко скользнул под одеяло рядом с Донной, повернувшись к ней спиной. И вновь невольно задумался, сколько еще это будет продолжаться, как все закончится и что может помочь нам наладить нормальную жизнь.

Я ведь по-прежнему любил ее. Так же крепко, как влюбился при нашей первой встрече.

Но мы больше не разговаривали друг с другом. Просто не могли найти нужных слов. Да и сказать было нечего, потому что наши мысли целиком занимало только одно, и обсуждать эту тему вслух стало бы слишком больно.

Я вообразил, как мог бы сделать первое движение. Повернуться, придвинуться ближе, обвить Донну рукой. Не говоря ничего. По крайней мере сразу. Представил тепло ее тела, прижатого к моему, ощущение от ее волос, упавших мне на лицо.

Причем вообразил настолько живо, словно это происходило на самом деле.

Некоторое время я лежал без сна, уставившись в потолок, лишь иногда переводя его на цифровые часы, стоявшие на прикроватной тумбочке. Два часа ночи. Три.

Не все случившееся было исключительно нашей виной.

Далеко не все.

В чем-то, разумеется, следовало винить самого Скотта. Верно, он был всего лишь подростком, но уже достаточно взрослым, чтобы отличать хорошее от дурного.

Вот только существовал и некто другой. Не один из тех юнцов из Кливленда. Не парни из Гриффона, которые могли снабжать Скотта марихуаной и спиртным.

Я очень хотел разыскать того, кто дал ему 3,4-метилендиоксиметамфетамин, препарат, известный во всем мире как экстази.

Вот о чем упоминалось в токсикологической части отчета патологоанатома.

Именно эта отравка, скорее всего, и внушила Скотту иллюзию, что он умеет летать.

Я твердо намеревался разыскать типа, всучившего ему последнюю и фатальную дозу.

На всех нас лежала большая доза ответственности, но именно этот сукин сын, по моему мнению, стал тем, кто нажал на курок.

Глава 4

Утром женщина входит в спальню с подносом в руках.

– Привет! – говорит она мужчине, который все еще нежится под одеялом.

Он приподнимается на локтях и рассматривает завтрак, пока женщина устанавливает поднос на прикроватную тумбочку.

– Яичница-болтунья, – говорит он, глядя на тарелку почти с подозрением.

– В точности как ты любишь, – отвечает она. – Хорошо прожаренная. Ешь скорее, пока все не остыло.

Он выпрастывает ноги из-под одеяла, садится на край постели. На нем старая и застиранная белая пижама в тонкую синюю полоску. Рисунок уже почти полностью стерся на коленях.

– Как тебе спалось? – спрашивает женщина.

– Превосходно, – отвечает он, берет салфетку и расстилает у себя на коленях. – Я даже не слышал, как ты встала.

– Я поднялась около шести, но по кухне ходила на цыпочках, чтобы не разбудить тебя. Ты бросил свое хобби?

– Что? О чем ты?

– Где твоя маленькая книжка? Обычно она лежит вот здесь. – Она указывает на тумбочку.

– Я делаю в ней записи, когда ты уходишь, – сообщает он, пристраивая тарелку поверх салфетки на коленях и начиная есть. – Отменная яичница. – Женщина молчит. – Не хочешь присесть со мной?

– Нет. Мне нужно идти работать.

Мужчина цепляет на вилку ломтик жареного бекона, с хрустом пережевывает его.

– Тебе нужна помощь?

– В чем?

– В работе. Я мог бы помочь тебе. – Он пережевывает свой бекон и глотает его.

– Ты все путаешь, – говорит она. – Ты больше не приходишь работать.

– Но я же приходил.

– Просто позавтракай с удовольствием.

– Я мог бы помочь, действительно мог бы. Ты же знаешь, у меня получается с книгами. Я все улавливаю.

Женщина вздыхает. Сколько раз ей уже приходилось разговаривать с ним об этом.

– Нет, – отвечает она.

Мужчина хмурится:

– Мне бы хотелось, чтобы все стало как прежде.

– А кому бы не хотелось? – замечает женщина. – Мне бы очень понравилось снова стать двадцатилетней, но одно дело желание, а реальность – совсем другое.

Он дует на кофе и делает небольшой глоток.

– Как там сегодня на улице?

– Кажется, погода замечательная. Ночью прошел дождь.

– Как бы мне хотелось выйти. Пусть даже идет дождь, – говорит мужчина.

Ее терпение иссякает.

– Доедай завтрак. Прежде чем уйти, я вернусь за подносом.

Глава 5

Я договорился о встрече с Фрицем Броттом, владельцем мясной лавки «Броттс братс» в Тонауанде, за которой пару дней наблюдал, непосредственно в магазине. У него имелся там свой кабинет, где мы могли без помех поговорить наедине.

Бротт был заметной фигурой в нашем обществе уже более двадцати лет. Он эмигрировал из Германии в семидесятые годы вместе с женой и маленькой дочкой. Несколько лет стоял за кассой разных продуктовых магазинов, но всегда мечтал открыть свой собственный. В начале девяностых Бротт узнал, что пожилой владелец мясной лавки захотел отойти от дел. Он надеялся, что сын продолжит семейный бизнес, однако парню еще не исполнилось и двадцати, когда стало ясно: его гораздо больше интересуют компьютеры, чем куски сырого мяса. И пришлось отцу тянуть магазин на себе еще два десятилетия, но поскольку передать его все равно оказалось некому, он решился в итоге выставить лавку на продажу.

А Фриц не просто хорошо разбирался в сортах мяса. Он сам был отличным поваром и знал секрет рецепта братвurstов⁷, передававшийся в его семье из поколения в поколение. Это, сказал он тогда жене, станет главной приманкой их магазина. Так, кстати, родилось и его название.

Жена Фрица, хотя и принимала в делах активное участие, не приезжала в магазин каждый день. Она много работала на дому, занимаясь оформлением документов, оплачивая счета, составляя ведомости по зарплатам и давая Фрицу возможность полностью сосредоточиться на производстве его любимых братвurstов и нежнейших говяжьих отбивных с восхитительным мраморным отливом. Именно жена заметила непорядок в отчетности за последние недели. Их прибыль уменьшилась. Огромные туши, свисавшие на крюках в камере холодильника, стали как будто давать меньше мяса, чем прежде.

Явно происходило что-то неладное.

У Фрица работали трое. Почти семидесятилетний Клэйтон Миллз трудился еще на предыдущего владельца и в общей сложности проработал в лавке более тридцати двух лет, а с тех пор, как умерла его жена Молли, жил один. Он вел очень экономное существование, и я сразу же исключил его из числа вероятных воров. Не вызвал у меня особых подозрений и Джозеф Калвелли, который был десятью годами моложе Клэйтона, имел жену и взрослого сына, управлявшего собственной инвестиционной фирмой.

Вскоре я понял, что мне нужен Тони Фиск – мужчина двадцати семи лет, живший с женой и двумя детишками, пяти и двух лет. Это его жена Сэнди подъехала к задней двери магазина и дождалась, чтобы Тони выскочил с большим зеленым мешком, сунул его в окно машины, а потом тут же опрометью вернулся на рабочее место. Все произошло как раз в тот момент, когда Фриц отлучился.

– Ну, что тебе удалось для меня узнать? – спросил Фриц, пристраивая свое тучное тело в кресло за письменным столом в крохотном помещении кабинета.

Я принес ноутбук, в который загрузил фотографии и видеозапись.

– Мистер Бротт, я вел наблюдение за вашим заведением два дня подряд и на основе увиденного могу утверждать, что вам не стоит волноваться по поводу мистера Миллза и мистера Калвелли.

Фриц ждал, хотя уже понял смысл моих слов.

– Тони, – произнес он, поджав губы. – Сукин сын!

Я открыл ноутбук и поставил его на стол.

– Это случилось вчера ближе к вечеру. Где-то около пяти часов.

⁷ Немецкие сосиски для жарки из свиного фарша.

Он прищурился:

– Меня как раз не было на месте. Я гонял свой грузовик в ремонт.

– Именно так. – Я щелкнул курсором по иконке «Воспроизведение» и запустил запись. – Видите, как подъезжает машина?

Фриц кивнул.

– Я на всякий случай пробил номер по базе данных. Этот автомобиль зарегистрирован на Энтони Фиска. За рулем сидела его жена Сандра – они зовут ее Сэнди.

– Я знаю ее. Да и машина мне знакома.

– Вот фото. На нем трудно разобрать детали, но, кажется, к заднему сиденью пристегнуты два детских кресла безопасности. Думаю, хотя не уверен полностью, что в тот момент в ее машине находились их дети.

Фриц сидел с каменным лицом.

– Ясно. Продолжай.

– Она останавливает машину прямо напротив задней двери магазина. Вот, теперь достает мобильный телефон, но пользуется только большим пальцем. Как мне кажется, она отправляет эсэмэску. Потом несколько секунд ждет...

Фриц крепко сжал зубы, продолжая смотреть на дисплей.

– И появляется Тони с мешком для мусора. Передает ей и бежит назад в магазин. Она срывается с места.

– Прокрути назад.

– Что?

– Ты можешь прокрутить изображение назад и сделать стоп-кадр?

– Стоп-кадр? Разумеется. – Я нажал на кнопку мыши, перевел запись на пятнадцать секунд назад, а затем запустил снова.

– Вот. Останови здесь.

Мне снова пришлось вернуться на долю секунды назад. Фрицу явно хотелось как следует рассмотреть мешок. Он пытался по внешним приметам определить, что лежало внутри, обводя очертания пальцем менее чем в дюйме от экрана.

– Можно это увеличить? – спросил он.

– Конечно. – Я коснулся мыши и щелкнул кнопкой. – Пожалуйста.

– Лопатка для жарки, – произнес Фриц.

– Вам лучше знать, – улыбнулся я.

– Сукин сын, – повторил он.

– Я попытаюсь достать копию эсэмэски, отправленной Сэнди. Но там, скорее всего, просто написано, что она уже прибыла. Едва ли Сэнди стала бы писать «Неси мясо» или что-то в этом роде. Если вы обратитесь в полицию и выдвинете обвинение, они наверняка смогут сделать распечатку.

– Ты думаешь, стоит им позвонить?

– Дело ваше. Вы попросили меня установить, не крадет ли кто-нибудь мясо, и, полагаю, это дает ответ на ваш вопрос. Что делать дальше, решать вам. Он хороший работник?

Фриц с грустью кивнул:

– Он работает у меня уже три года. Справляется со своими обязанностями. Делает все, о чем ни попросишь. Я всегда хорошо к нему относился. Почему же он начал меня обворовывать?

– Он превысил лимит по кредитной карте. А его жена, работавшая в «Уол-марте» четыре дня в неделю, только что переведена на трехдневный график.

Печаль, отражавшаяся на лице Фрица всего минуту назад, постепенно уступила место другому выражению.

– Когда я только что перебрался в эту страну, то порой не знал, как сохранить крышу над головой. Но я никогда ни у кого не крал! – Он потряс указательным пальцем в воздухе. – Ни разу!

Он осмотрел поверхность своего стола, покачал головой, а потом взглянул на закрытую металлическую дверь, словно она была из стекла и он мог видеть сквозь нее Тони.

– Я ведь даже присутствовал при крещении его младшего, – проговорил Фриц.

– Всякое случается, – отозвался я.

– Если я позволю ему остаться, как это воспримут остальные? Это словно сказать: «Эй, можете смело воровать у Фрица, он вам все простит. Он – тряпка». Вот что они подумают.

– Как я и сказал, решение теперь за вами. Я напишу для вас формальный отчет о проделанной работе, рассчитаю, сколько часов заняло расследование, что...

Фриц махнул рукой:

– Да пошло все к чертовой матери! Главное, я теперь знаю. – Он указал на компьютер, на Тони, застывшего с прижатым к груди мешком мяса. – Видел своими глазами.

– Но отчет вы так или иначе получите, – произнес я, – вместе со счетом за мои услуги.

Его глаза по-прежнему буравили дверь. Я догадался, что сейчас последует, хотя и понадеялся, что ошибаюсь.

– Тони! – взревел он.

Я все-таки оказался прав. Его голос в тесном кабинете прозвучал как пушечный выстрел.

Хотя я бы предпочел, чтобы Фриц начал действовать на основе собранных данных уже после моего ухода. Работа мною сделана, и я не собирался присутствовать при вынесении приговора. Я, разумеется, мог стать посредником, если бы возник конфликт, но деньги мне платили за другое. Бог свидетель, я не годился в адвокаты. Я лишь добывал информацию.

Это в особенности относилось к расследованиям супружеских измен. Если вы смотрите телесериалы, снятые в шестидесятые или семидесятые годы, у вас может сложиться впечатление, что многие частные детективы считали подобную работу ниже своего достоинства. В реальном мире таким сыщикам пришлось бы вставать в очередь за бесплатным супом и выживать на пособие по безработице. Если ты работаешь в сфере частного сыска, то отказываться от дел, связанных с разводами, значит уподобляться владельцу кондитерской, который не желает продавать в ней кофе. Когда я обнаруживал, что муж спит со своей секретаршей, я не советовал жене выкинуть его из дома, поджечь его «Порше» или просверлить дыру в днище его яхты. Если она склонялась к прощению и решала смотреть на все сквозь пальцы, мне это было до лампочки.

И меня вовсе не волновало, как Фриц поступит с Тони, если он не собирался вершить его судьбу в моем присутствии.

Так мы не договаривались.

Но сейчас дверь распахнулась, и на пороге появился Тони в окровавленном фартуке и с покрытым кровью мясницким топором в правой руке. Выглядел он как персонаж, только что сошедший с экрана фильма ужасов. Не хватало лишь отрубленной головы, которую он бы держал за волосы свободной рукой.

– Слушаю тебя, Фриц, – сказал он.

– Как давно?

– Что? – На лице Тони появилось удивление. Несомненное притворство, но очень натурально разыгранное.

– Как давно ты крадешь у меня?

Мне не доводилось посещать курсы по управлению персоналом, но наверняка есть правило не обвинять своего сотрудника в воровстве, если тот держит в руках острый топор. Впрочем, если Фрица это и волновало, то он не подавал вида.

Он положил ладони на подлокотники кресла и тяжело поднялся, а затем обошел свой стол. Я тоже вскочил на ноги, и мы втроем образовали небольшой треугольник.

– Понятия не имею, о чем ты толкуешь, – сказал Тони.

– Не лги мне, – резко бросил Фриц. – Я знаю, чем ты занимался.

Я не сводил глаз с топора. Он мог весить добрых десять фунтов, но в руках Тони, казалось, не тянул и на унцию. Что-то подсказывало: Фиск орудует им с легкостью, как перышком.

– Не понимаю, – упорствовал он. – Какого дьявола ты порешь чушь?

Фриц молча развернул компьютер, указав на дисплей, на котором застыл Тони, бежавший к машине с Сэнди за рулем.

Тони смотрел на картинку, часто заморгав.

– Что это?

– Это вор, – объяснил Фриц. – А вот жена вора.

Тони скрипнул зубами и бросил на меня угрожающий взгляд. Он мгновенно сложил два и два и получил верный результат.

– Убирайся, – велел ему Фриц. – Выметайся отсюда и не смей возвращаться. Последний чек я отправлю тебе почтой.

Тони перевел взгляд с меня на своего бывшего босса.

– Ты урезал мне зарплату, – произнес он.

– Что-что?

– В тот день, когда у меня заболела дочка. Знаешь, какая у нее поднялась температура? Тридцать девять градусов, усек? Мы думали, она умрет, и отвезли ее в больницу. Я не смог прийти на работу, и ты вычел у меня жалованье за день. – Тони покачал головой. – Так что я просто забрал с тебя должок.

И он поднял топор на уровень правого плеча, словно готов был пустить его в ход.

– Даже не думай об этом, – сказал я спокойно и твердо.

Тони снова посмотрел в мою сторону. За те несколько секунд, когда он не обращал на меня внимания, кое-что изменилось: в моей руке появился пистолет. «Глок-19», на ношение которого у меня имелась лицензия. Оружие было направлено прямо в грудь Тони.

– Не дури, если не хочешь войти в историю, – предупредил я.

– В какую историю?

– Я пока никого еще не пристрелил. Ты можешь стать первым. – Мы оценивающе разглядывали друг друга не менее пяти секунд. Потом я добавил: – Нам всем нужно немного спустить пар.

Рука Тони словно окаменела, пока он смотрел в дуло «глока». Я же успел заметить, как Фриц сделал два чуть заметных шага назад.

– Опустит топор и положи его, – сказал я.

Тони кивнул. В его глазах вроде бы читалось согласие сделать то, что ему велели. Вот только опустил он топор намного быстрее, чем можно было ожидать, с силой вогнав его лезвие в крышку письменного стола Фрица. Когда Тони убрал руку, топор остался торчать на месте совершенно неподвижно.

Тони еще раз посмотрел на меня и сообщил:

– Учти, я ничего не забываю.

Потом развернулся и вышел из комнаты, на ходу развязывая сзади узел на поясе фартука.

Фриц стоял как громом пораженный. Челюсть у него так отвисла, что в рот легко бы поместилась свиная отбивная. Его взгляд метался с моего пистолета на дверь и обратно. Он явно пережил едва ли не самый большой испуг в жизни.

Да я и сам ощущал легкое потрясение, убирая оружие в кобуру.

– А я ведь решил, что он меня дурачит, – произнес Фриц дрогнувшим голосом. – По поводу заболевшей дочки. Посчитал это выдумкой, предложом, чтобы прогулять день.

По пути домой у меня зверски разболелась голова. Нервное перенапряжение все же сказало, подумал я. Обычно я вожу что-нибудь обезболивающее в бардачке, но сейчас там ничего не было, а потому на въезде в Гриффон я свернул к заправочной станции, при которой работал небольшой супермаркет, и вошел внутрь.

Они продавали пузырьки с тайленолом. Я взял с полки один, прихватил бутылку воды и полез в задний карман за бумажником, подходя к кассе.

– Добрый день! Как поживаете? – спросил паренек, расположившийся за стойкой. Вряд ли его действительно интересовали мои дела – просто он считал своим долгом говорить это каждому клиенту.

На вид он был в возрасте Скотта. Лет пятнадцати или семнадцати. На его лице виднелись прыщи, а на один глаз падала челка, так что ему приходилось поправлять ее каждые три секунды.

– Отлично поживаю, – пробормотал я.

Получив бумажку в десять долларов, продавец пробил мои покупки.

– Пакет?

– А?

– Вам нужен пакет?

– Нет.

Я осмотрел стойку. На нее установили доску, прикрепив к ней кнопками нечто вроде листовки и ручку на веревочке.

Подписавшие петицию люди (а их было немало) в кои-то веки выступали не против чего-то, а в поддержку. Заголовок гласил: «Обойди хоть целый свет – лучше наших копов нет!»

– Можете тоже подписаться, если хотите, – сказал паренек без особого энтузиазма. – Управляющий распорядился, чтобы я предлагал это каждому покупателю.

Я ногтем вскрыл целлофановую упаковку пузырька с таблетками, одновременно изучая формулировку петиции, напечатанную под заголовком, но над подписями.

«Мы, нижеподписавшиеся, на все сто процентов поддерживаем деятельность достойных мужчин и женщин, которые служат в полицейском участке Гриффона, и высоко оцениваем плоды их работы! Лучше наших копов нет!»

Мне наконец удалось снять обертку, открутить крышку и не без труда избавиться от ватной прокладки. Если бы я страдал смертельным заболеванием и жить мне оставалось десять секунд, а одна из таблеток могла меня спасти, я бы наверняка уже успел скончаться. Только на удаление ватного тампона ушло добрых полминуты. Лишь потом я смог вытряхнуть на ладонь три красные пилюли, вскрыть бутылку с водой и принять лекарство, запив его водой.

– Видать, голова у вас просто раскалывается, – заметил юнец.

Взяв доску со стойки, я просмотрел имена тех, кто расписался под петицией, и, хотя лист был уже наполовину заполнен, знакомые мне не попадались. Рядом с местом для фамилии специально оставили пространство, где люди могли указать свой домашний адрес и/или адрес электронной почты. Причем многие предпочли не делиться подобной информацией о себе.

Я открыл второй лист, уже полностью исписанный, как и еще три страницы под ним. Оказалось, все-таки около семидесяти процентов подписавших ходатайство указали не только имена и фамилии, но и более подробные сведения о себе, облегчив работу тем, кто пожелал бы проверить подлинность автографов.

– Сколько примерно людей от общего числа ваших клиентов ставят здесь подписи? – спросил я.

Паренек пожал плечами:

– Даже не знаю. В большинстве это все-таки старики.

– То есть люди моих лет и старше? – улыбнулся я.

– Извините, не хотел вас обидеть, – потупился он. – Просто несовершеннолетних копы ни за что ни про что останавливают на каждом углу. Без всякого повода.

Примерно год назад или чуть раньше Скотт говорил нам то же самое. А где-то за неделю до смерти он вернулся домой и рассказал, что один местный коп под видом обыска откровенно лапал девушку на заднем дворе бара «Пэтчетс». «Она не сделала ничего плохого, – возмутился он. – Копу просто захотелось ее пощупать!»

Я еще спросил тогда Скотта, собирается ли девушка подавать официальную жалобу.

«Не станет она жаловаться, – ответил он. – Этим парням все сходит с рук, и ничего с ними не поделаешь. Кажется, коп думал, что никто не видит, чем он занимается, и потому я крикнул: “А я знаю, кто ты такой, ублюдок!” Напугал его, конечно. Но зато и бежал потом оттуда сломя голову».

– Так вы будете подписывать или нет? – спросил паренек из-за стойки, возвращая меня к реальности.

И тут я заметил знакомую подпись. «Донна Уивер». Некоторое время я ее разглядывал и даже провел пальцем по той строке, вдоль которой написала свое имя моя жена.

– Уже нет необходимости, – ответил я.

– Знаете, что я думаю? – спросил юнец.

– Нет. Поделись своими мудрыми мыслями.

– Я думаю, копы специально устроили сбор подписей, а сами потом проверяют имена и адреса, вычисляя, кто из местных подписался, а кто нет.

– Не может быть.

Но он с очень серьезным видом несколько раз кивнул:

– Так и есть. Это их методы. Точно.

– Должно быть, ты на всякий случай подписался, верно? Чтобы обезопасить себя?

Паренек ухмыльнулся и покачал головой:

– Управляющий велел мне расписаться и наблюдал издали, как я это делаю. Но только я написал «Микки Маус». Ни за что не стану подписываться в поддержку этих клоунов.

– Вижу, ты не очень-то любишь нашу доблестную полицию.

– А вам когда-нибудь распыляли краску прямо в глотку?

– То есть как это?

– Причем рисовал на стене даже не я. Это был мой приятель, но он успел смыться, а приехавшая полиция застала с баллончиками меня. И им взбрело в голову изобразить граффити прямо в моем горле.

– Но ты же мог погибнуть! – воскликнул я.

– Копы хитрые. Она лишь пару раз пустила короткие струйки. У меня только ненадолго перехватило дыхание. А зубы и губы стали желтыми.

– Она?

В этот момент к кассе подошел мужчина, чтобы расплатиться за бензин. Паренек забрал у меня доску, пожелал всего хорошего и обратился к новому клиенту.

Я сел в свою «хонду», выпил почти половину бутылки воды и только потом завел мотор. Отсюда до дома оставалось ехать минуты три или четыре, и пульсация в висках и над глазами стала уже стихать, когда я свернул на нашу улицу.

Но затем головная боль внезапно вернулась.

Причиной тому, вероятно, стал вид патрульной машины полиции Гриффона, припаркованной у нашей подъездной дорожки.

«Проклятие! – подумал я. – Как они так быстро узнали, что я не подписал петицию?»

Глава 6

Было около пяти часов вечера.

Донна обычно возвращалась домой примерно в половине пятого со своей работы в полицейской службе Гриффона. Вывеску на здании сменили несколько лет назад. И участок больше не назывался «Полицейскими силами Гриффона». Поскольку это звучало немного... Немного «сильно», малость угрожающе, наверное. А на самом деле слишком точно отражало суть. И они стали называть себя «службой», словно речь шла о работниках социальной сферы, только почему-то вооруженных. Власти предрержащие, видимо, решили, что если немного смягчить название, то и воспринимать полицию станут как нечто не столь жесткое и грубое.

Только ничего из этой затеи не вышло.

Хотя Донна там работала, она не носила табельного револьвера, не ездила на машине с мигалкой и сиреной, не дежурила по выходным или по ночам, и мундира ей тоже не выдали. У нее был нормированный день с девяти до четырех с понедельника по пятницу и полагались выходные по всем большим праздникам. Потому что Донна, собственно, не была настоящим копом. Она трудилась в отделе, объединявшем бухгалтерию и администрацию, и отвечала за то, чтобы каждый полицейский в положенный срок получал ежемесячный чек с зарплатой, выписанный на финансовую организацию по его личному выбору, разбиралась с вечными спорами о размере сверхурочных, своевременно оплачивала коммунальные счета. Благодаря именно ее аккуратности любой гражданин Гриффона, позвонивший по 9–1–1, не наткнулся на отключенный за просрочку телефон, а ему всегда отвечал диспетчер, готовый принять вызов.

А потому патрульная машина перед нашим домом могла и не служить причиной для беспокойства. Донна была знакома со всеми сотрудниками полиции, если не лично, то по фамилиям и номерам карточек социального страхования. Коллеги знали, что она порой привозила на работу домашнюю выпечку, и всякий, проходивший мимо ее стола, всласть угощался. Какой-нибудь офицер мог заехать просто по-дружески. К тому же Донна и одна из двух женщин-полицейских – Кейт Рэмзи – иногда ходили вместе в кино, хотя в последнее время это случалось редко. Ни Донна, ни я сам с некоторых пор не отличались особой общительностью.

И все же меня кольнуло не слишком приятное предчувствие.

Когда до дома осталось полквартила, зазвонил мой сотовый, лежавший на сиденье рядом. На дисплее высветилось слово «дом». Раньше Донна звонила мне по крайней мере дважды в день. Обычно у нее не происходило ничего важного, просто хотела поболтать. При этом она прекрасно знала, что я вполне могу и не ответить: если я бывал на задании, то просто отключал звонок мобильного, поэтому проблем не возникало.

Сейчас я поспешно взял трубку:

– Слушаю.

– У нас полиция, – объявила она.

– Я уже как раз подъезжаю, – сказал я. – Думал, это Кейт.

– Нет. Хейнс и Бриндл.

– Хейнс, – задумчиво повторил я. Один из самых молодых офицеров, хотя за его плечами был уже десяток лет службы. Именно он принес нам трагическую новость в августе. – С Бриндлом я не знаком.

– О, тогда получишь большое удовольствие, – усмехнулась она.

– Что случилось?

– Мне они не говорят. Им нужно побеседовать с тобой. Я сначала подумала, они разыскали того, кто продал ему наркотик, и приехали сообщить нам. – Донна могла целыми днями рисовать портреты Скотта, однако ей было сложно написать его имя или хотя бы произнести вслух. – Но тогда им хватило бы разговора со мной.

Странно, что поиски того, кто снабдил Скотта экстази, все еще оставались в числе приоритетов полиции Гриффона, если вообще когда-либо среди них числились. Нельзя сказать, чтобы наших копов совсем уж не волновала проблема наркомании, просто они решали ее по-своему. Если они обнаруживали торговца наркотой, да еще и иногороднего, то отвозили его на задний двор гаража для снегоуборочных машин, избивали до полусмерти, а потом бросали на территории какой-нибудь заброшенной фабрики на Буффало-авеню недалеко от Ниагарского водопада.

Ходило немало историй о злоупотреблении насилием местными полицейскими, что и объясняло выходку Скотта при виде офицера, издевавшегося над девушкой у бара «Пэтчетс». Он считал, что делалось это без всякой причины, но я-то знал, что у копа всегда нашлось бы основание заявить о ее подозрительном поведении. Я усвоил этот урок давно, во время своей краткой службы в полиции. Если ты предоставлял кому-то – не важно, мужчине или женщине – право на обоснованное сомнение в виновности, то тем самым резко сокращал шансы спокойно уехать домой после дежурства.

И все же почти никто в Гриффоне не тревожился, если копы переходили границы дозволенного. Главное, что обыватели чувствовали себя в безопасности. И пока это не касалось их лично, а ощущение, что они защищены, преобладало, горожане не желали вдаваться в детали, какой ценой это достигалось.

А если начистоту, то приходилось признавать свою собственную склонность к подобным методам. Я знал наверняка: если бы я разыскал подонка, продавшего Скотту экс-тэ-зэ, «экс», «экстру» – или как еще эту дрянь называли на улице, – я бы сам с ним очень круто разобрался, не обращаясь за помощью к закону.

– Поговорим позже, – сказал я Донне и дал отбой.

Проехав мимо патрульного автомобиля, я заметил в салоне двух мужчин. Поставил «хонду» впереди, вышел, посмотрел на дом и увидел Донну, наблюдавшую за мной сквозь жалюзи окна гостиной.

Рикки Хейнс, более молодой из копов, тоже выбрался из своей машины и кивнул мне. Слегка за тридцать, черные волосы и ровно постриженные усы. Рикки был в хорошей физической форме и выглядел так, словно когда-то играл в футбол, – правда, для профессионального футболиста ему не хватало массы тела. Может, занимался хоккеем? Однако и тогда солидная масса тоже была бы важна.

– Мистер Уивер? – спросил он, прикладывая указательный палец ко лбу в имитации официального приветствия.

– Да. Офицер Хейнс?

– У вас хорошая память, – заметил он.

Трудно забыть фамилию человека, который сообщил о смерти сына.

Открылась и другая дверца машины. Второму копу было на вид уже под сорок, и если он когда-то вообще занимался спортом, то бросил очень давно. На первый взгляд он весил не менее 280 фунтов. Живот и бока заметно набухли от жира. Над верхней губой у него росло больше волос, чем на голове.

– Знакомьтесь. Офицер Хэнк Бриндл, – представил Хейнс.

– Добрый день, – кивнул Бриндлу я.

– Вы, значит, муж Донны? – спросил тот низко и сипло.

– Так и есть.

Он тоже кивнул мне, задумался на секунду, а потом сказал:

– Мы надеемся, вы сможете нам кое в чем оказать содействие.

– Я очень постараюсь.

Бриндл указал на мою «хонду аккорд»:

– Этот автомобиль зарегистрирован на вас?

- Да.
- Вы пользовались им вчера вечером? – поинтересовался Бриндл.
- Да, пользовался.
- Не могли бы вы сообщить нам, куда ездили?
- Ответ зависит от конкретного времени, которое вас интересует, – произнес я.
- Например, около десяти.
- Как раз возвращался домой.

Бриндл снова кивнул.

– Значит, возвращались домой. Откуда же?

– У меня была работа в Тонауанде.

Бриндл продолжал кивать.

– Рикки сказал, что вы частный детектив. Это верно?

Теперь уже я вынужденно кивнул и стал ждать. Можно было бы спросить, в чем дело, но у копов имелось свое представление о том, как должен развиваться разговор в нужном им направлении, и они терпеть не могли сами отвечать на вопросы. Мне ли не знать правил игры?

Бриндл вновь задумчиво кивнул, а потом посмотрел на своего более молодого напарника.

– Думаю, будет лучше, если ты продолжишь разговор. Тебя лучше ввели в курс дела. –

Мне в его тоне почудился намек на неприязнь.

Я повернулся к Хейнсу:

– В курс какого дела?

– Мы разыскиваем девушку, – ответил Хейнс.

Я ждал.

– Ее зовут Клэр Сэндерс. Семнадцать лет. Светлые волосы. Рост около пяти футов и пяти дюймов. Вес около ста пятидесяти фунтов.

– Почему вы ее ищете? Она что-то натворила?

– Нам просто важно найти ее, – сказал Хейнс, явно не желая прямо отвечать на вопрос.

Но я упорствовал:

– Так она нарушила закон или просто пропала?

Хейнс откашлялся, прочищая горло.

– Ее местонахождение неизвестно. Мы были бы весьма признательны за вашу помощь в этом деле, мистер Уивер. Буду честен. Расследование проводится как бы неофициально. Учитывая личность отца Клэр, необходимо действовать максимально деликатно.

Мне не понадобилось и секунды, чтобы догадаться. Клэр Сэндерс.

– Эта девушка – дочь Бертрама Сэндерса, нашего мэра?

– Сразу видно прирожденного сыщика, – язвительно заметил Бриндл.

– Согласно нашим данным, – продолжал Хейнс, – вы могли встречаться с Клэр вчера вечером.

– У вас есть ее фотография?

Хейнс достал свой мобильник, нажал на пару кнопок и приблизился ко мне. Телефон он держал так, чтобы был виден дисплей, но в руки мне его не отдал. Снимок, похоже, сделали на какой-то вечеринке. Девушка смеялась, немного откинув голову назад, держа в руке бокал с мартини. Я предположил, что фото скопировали со странички в «Фейсбуке».

– Да, я вчера подвез эту девушку, – сказал я. – Впрочем, вам наверняка это уже известно.

Хейнс кивнул:

– Да. Вы посадили ее к себе в машину у «Пэтчетса».

Не было смысла отрицать это.

– Да. Но только скорее она сама выбрала меня.

Хейнс задумался. Потом произнес:

– Вот как?

– И часто вы поступаете подобным образом, мистер Уивер? – спросил Бриндл. – Сажаете в свою машину несовершеннолетних девочек?

– Она сама постучалась мне в окно, когда я остановился на знаке. Попросила подбросить до дома.

– И вы решили ее подвезти?

– Да.

– Выходит, вы уже знали, что это Клэр Сэндерс? – не отставал старший коп.

– Нет, не знал, – ответил я.

– Гм-м, – протянул Бриндл. – Если бы я оказался на вашем месте и какая-нибудь юная девица попросила бы ее подвезти – при том условии, конечно, что я бы вел собственную машину, а не патрульную, – то мне стало бы несколько неловко. Я подумал бы, что едва ли совершаю разумный поступок.

– Зато она узнала меня. Сказала, что была знакома с моим сыном Скоттом. – В этот момент я исподволь взглянул на офицера Хейнса.

Хэнк Бриндл наострил уши, как охотничий пес по свистку хозяина.

– Это парень, который умер, верно?

Я почувствовал жар под воротничком рубашки.

– Да.

– Накачался наркотой и спрыгнул с крыши мебельного магазина «Рэвелсон» пару месяцев назад. – Бриндл говорил таким тоном, словно мы с ним просто предавались воспоминаниям. – Я ведь прав?

– Да.

– Ты тогда еще выезжал на вызов, Рикки? – обратился он к напарнику.

– Да, я. – Хейнс чуть покраснел. – Мне пришлось сообщить новости мистеру и миссис Уивер.

Я почувствовал, что ему неловко было произносить эту фразу.

– Как же, как же, помню, – продолжал Бриндл. – На той неделе я еще не получил надбавку за причитавшиеся мне сверхурочные. Потому что ваша жена взяла выходной и не успела выписать чек вовремя.

Теперь шея у меня просто горела. Я сжал кулаки, но не потому, что собирался кого-то ударить, а чтобы хоть немного снять напряжение. Руки я держал опущенными, и Бриндл мог не опасаться получить по носу, как ни хотелось мне ему вмазать.

– Позвольте мне от ее имени выразить вам глубочайшие сожаления за причиненное неудобство, – сказал я.

Бриндл махнул рукой:

– Ладно, чего уж там. Большое дело! – Он откашлялся. – Значит, вы решили подвезти девушку, потому что она была знакома с вашим сыном?

– А еще мне показалось жестоким бросить ее под дождем. И я разрешил ей сесть в машину. Она попросила подбросить ее домой.

– Она сообщила, как ее зовут? – спросил Бриндл.

– Клэр. Назвала только имя.

– И вы, стало быть, высадили ее у дома? – взял инициативу на себя Хейнс.

Оба пристально на меня посмотрели. Все развивалось по сценарию, который нравился мне все меньше. Поскольку история, которую я должен был рассказать, вряд ли показалась бы им правдоподобной.

– Нет, я не высадил ее у дома. Мы остановились рядом с «Иггизом». С тем, что на Ден-берри. Клэр сказала, что ее тошнит.

– Но вам достаточно было бы просто притормозить у обочины шоссе, если на то пошло, – заметил Бриндл.

– Она очень настойчиво попросила остановиться у ресторана, и я заехал на стоянку, а потом подождал в автомобиле. Она долго отсутствовала, и я решил тоже зайти внутрь, чтобы разыскать ее. Не нашел, но когда вернулся к своей машине, в ней уже сидела девушка.

– Что значит «девушка»? – осведомился Хейнс. – Вы хотели сказать, что в машине снова сидела Клэр?

Я помотал головой:

– Поначалу я тоже так решил. Эта девушка хотела заставить меня думать, будто она Клэр. Она надела парик, чтобы волосы были похожи, и оделась почти в такие же вещи, однако были и различия, если приглядеться получше. Прежде всего, у Клэр на левой руке я заметил царапину, которой не оказалось у той девушки.

– Стоп! Не спешите, – вмешался Бриндл. – Вы хотите сказать, что в «Иггиз» зашла Клэр, а вышла другая девица?

– Именно так.

– А что же, черт возьми, случилось с Клэр?

– Не знаю.

– Кем же была вторая? – спросил Хейнс.

– Понятия не имею. Очевидно, подругой Клэр, но своего имени она не назвала. Потом, когда мы уже ехали вместе, я догадался о подмене и прямо заявил об этом. Она же попросила вести себя так, словно я по-прежнему считал ее Клэр. На случай, если за нами следили.

Бриндл фыркнул.

– Нелепее истории мне еще не доводилось слышать.

– Нет, постой-ка, – вмешался Хейнс. – Понимаешь, если Клэр кто-то преследовал, а она хотела сбежать, то это был бы лучший способ избавиться от преследователя.

– Мне тоже так показалось, – сказал я.

Но Бриндл лишь покачал головой:

– Какая-то чушь собачья.

– Она потребовала, чтобы я высадил ее рядом с перекрестком Каstellтон и Беркли, – добавил я. – И пришлось ее отпустить.

Копы обменялись взглядами. Потом Хейнс спросил:

– Клэр ни о чем вас не предупредила, прежде чем зайти в «Иггиз»? Даже не намекнула на свое намерение поменяться с кем-нибудь местами?

– Нет. Если бы я знал, что они затеяли, то не стал бы принимать в этом участия.

– Она сообщила, куда направлялась потом?

– Сказала, что домой, – ответил я.

– Тогда, вероятно, все так и было, – заметил Хейнс.

– О чем ты? – округлил глаза Бриндл.

– Ее кто-то преследовал. Не убийца и не насильник, боже упаси, а скорее всего бывший парень. Она же хотела от него оторваться. Может, чтобы попасть на свидание к другому парню. И использовала свою подругу в качестве подсадной утки. – Он улыбнулся и покачал головой с оттенком восхищения. – Хитрый план.

Бриндл, однако, не выглядел ни в чем убежденным.

– Все так. Но только где сейчас Клэр? – осведомился я.

– Держу пари, – уверенно продолжал Хейнс, – что она сейчас с тем ухажером, который ей действительно по нраву. Крутят роман в свое удовольствие. Вот и все, что на самом деле произошло.

– Откуда вы узнали, что искать ее надо в районе «Пэтчетса»? – спросил я у полицейских.

Бриндл сделал жест в сторону Хейнса, и тот ответил:

– По слухам, она часто туда навещалась, и потому логично было начинать оттуда.

– Позвольте снова задать вам тот же вопрос, – сказал я. – Вы ищете Клэр, потому что она что-то натворила или потому что пропала? У вас есть основания для тревоги за нее?

Хейнс почесал подбородок, явно для того, чтобы выиграть время и обдумать ответ.

– Наверное, всегда есть причина для тревоги, если ты кого-то ищешь и не можешь найти. – Он свел ладони вместе и потер одна о другую. – Думаю, мы с вами закончили, мистер Уивер. Можем пока оставить вас в покое.

– Надеюсь, вы скоро разыщете ее, – произнес я, когда двое копов садились в свой автомобиль.

Бриндл пристально взглянул мне в глаза.

– После всей чепухи, какую вы нам только что нагородили про девушек-двойняшек, я бы на вашем месте тоже искренне на это надеялся.

Глава 7

Я проследил, как большая патрульная машина в три приема развернулась на улице, доехала до угла, свернула налево и пропала из вида. Когда я вошел в дом, Донна ждала меня.

– Что произошло?

– Все в порядке, – ответил я.

– Меня не интересует, все ли в порядке. Мне хочется знать, что произошло.

– Вчера я подвез одну из приятельниц Скотта. Они пытаются теперь найти ее.

– Что за приятельница?

– Девушка по имени Клэр.

– Ты посадил в машину девушку, ловившую попутку?

– Это не... Она не совсем ловила попутку. Просто стояла перед «Пэтчетсом» и попросила подвезти до дома. Она узнала меня и сказала, что была знакома со Скоттом.

– Как она могла тебя узнать?

– По ее словам, она видела меня, когда я привозил его в школу. А еще шел проливной дождь. Послушай, окажись ты на моем месте, ты бы тоже подвезла ее.

– Возможно, – согласилась Донна. – Но разве ты не видишь здесь разницы между собой и мной?

– Конечно, вижу.

– Я могла бы сделать это, не подвергая себя большому риску, – продолжала Донна. – Но ты – взрослый мужчина, который посадил в свою машину юную девушку после наступления темноты! Неужели тебе это показалось хорошей идеей?

– Я объяснил тебе, почему так поступил.

У нее чуть приоткрылся рот, когда ей пришла в голову новая мысль.

– Я понимаю, почему ты так поступил. Подумал, что она может что-то знать. Тебе мнится, будто все что-то знают. Ты постоянно допрашиваешь всех в этом городке, кому меньше двадцати лет. И рано или поздно влезешь куда не надо. Зайдешь слишком далеко, и у тебя возникнут крупные неприятности.

Она не ведала и о половине того, что я делал.

– Я подвез ее вовсе не поэтому. Хотя верно. Я бы, скорее всего, задал ей пару вопросов, однако она не дала мне даже шанса. Сразу заявила, что ей ничего не известно.

– Они все тебя уже побаиваются.

– Вот и пусть. Это даже к лучшему, – сказал я резко.

Но Донна не унималась:

– Ты стал одержимым.

– Ах, это я стал одержимым? Может, у меня изрисован альбом вот такой толщины? – Я развел большой и указательный пальцы на дюйм друг от друга.

Сейчас она едва заметно вздрогнула. Я все-таки ранил ее. И потому, постаравшись смягчить голос, добавил:

– Мне казалось, тебя тоже должны интересовать ответы на некоторые вопросы.

Донна слегка оперлась на ближайшую стену, словно стараясь сохранить равновесие.

– А тебе станет от этого хотя бы немного легче? Если ты узнаешь, где он взял ту дрянь? Кто дал ему ее или сбыл? Конечно! Тогда у тебя будет на кого свалить вину. А сам ты сорвешься с крючка. А я? Я тоже с него сорвусь? Меня это тоже полностью оправдает? Ты сможешь перестать винить в случившемся меня, как винишь себя? – Она опустила голову и приложила пальцы ко лбу, массируя его, а потом продолжила: – Предположим, ты найдешь дилера, установишь личность. Предположим, даже заставишь его во всем сознаться. Дальше-то что? Сдашь его властям? Или сам свершишь справедливую расправу по своим законам и правилам?

– Я не могу обсуждать это сейчас, – сказал я.

– А суть в том, что не один, так другой снабдил бы его наркотиком. Ты никак не желаешь понять, что вопрос «кто?» никогда не был в центре проблемы. Главный вопрос – почему. Зачем нашему сыну вообще понадобилось принимать эту мерзость? Что в его жизни пошло не так, что выходом из положения стало только наркотическое опьянение?

– Говорю же, сейчас мне не до этого.

– Разумеется. – Донна изобразила пародию на просительную интонацию: – А когда наступит подходящий для вашей светлости момент? Может, вы запишете меня в очередь на аудиенцию?

– Меня очень беспокоит судьба той девочки, – сказал я. – Не думаю, что она исчезла, прячась от надоевшего ухажера. Она не устроила бы такого сложного трюка с перевоплощением подруги только для того, чтобы удрать от какого-нибудь недоросля.

– Не понимаю, о чем ты толкуешь, – произнесла Донна. – Ты вообще разговариваешь со мной или с собой?

Я тряхнул головой:

– Ты права. Наверное, я начал разговаривать сам с собой вслух.

– Начал? В этом всегда состояла твоя главная проблема. – Она отвернулась от меня и ушла в другую комнату.

Я уже не мог так просто это оставить. Не в состоянии был заниматься своими делами, пока полиция Гриффона вела поиски Клэр Сэндерс. Я ведь не кривил душой, сказав подруге Клэр, что пусть даже невольно, но они вовлекли меня в происходящее.

Теперь я выяснил: Клэр так и не нашлась почти через сутки после того, как я подвез ее, и поэтому по-новому рассматривал свои действия. Мне не стоило так просто отпускать ее подругу. По крайней мере, я должен был узнать ее имя. Последовать за ней, когда она выскочила из машины. Обязан был задать Клэр больше вопросов. Действительно ли некий подозрительный тип наблюдал за ней из пикапа? И если так, то кто, по ее мнению, он такой?

Хорошо бы то, хорошо бы это, но только ничего не сделано.

Меня не слишком испугал прощальный взгляд офицера Бриндла, как и слова, что мне следует горячо надеяться на скорое обнаружение Клэр. Однако в них было зерно истины. Если бы с Клэр что-то стряслось (а я даже думать не хотел, что могло с ней случиться), копы непременно вернулись бы сюда с дальнейшими расспросами.

Хотя я наверняка чересчур торопил события. Подростки пропадали постоянно, и это не обязательно означало серьезные неприятности, связанные с их уходом из дома. Но знал я не хуже любого другого отца, какие мучения переживали родители, не получая известий о своем чаде и его местонахождении. Это как попасть на дно колодца, откуда никак не можешь выбраться. Я представлял, что сейчас чувствовали родители Клэр. Однако не был уверен, что поручить полиции провести скрытное расследование – лучший способ решения проблемы.

Можно подумать, кто-то дал мне право критиковать обращение других родителей со своими отпрысками.

И все же я не собирался дожидаться сообщений о том, какого прогресса достигли Хейнс и Бриндл в своих неуклюже деликатных поисках Клэр. Сам я мог найти ее так же быстро, если не быстрее. Я обладал информацией, которой не имели они. Я видел, как выглядит подруга Клэр. Стоило лишь узнать, кто она, и добраться до нее – и это привело бы меня к самой Клэр. Девушка не могла не знать, куда отправилась лучшая подруга. Они ведь вместе разыграли спектакль с ее таинственным исчезновением.

Причем я был уверен, что узнаю ее фамилию, даже не покидая собственного дома.

Я зашел в кухню, миновав стоявшую у раковины спиной ко мне Донну, и взял лежавший на столе ноутбук. Потом опустился в кресло, в котором сидел накануне вечером, и заглянул в «Фейсбук».

Однако не под своим именем. У меня не было личной странички в «Фейсбуке».

После смерти Скотта я начал расследование, где он мог взять экстази, и мне понадобились сведения о его друзьях и знакомых. Десять или пятнадцать лет назад для этого потребовалось бы проделать огромную работу. Я бы разыскал одного из друзей, чтобы через него добыть имена и адреса других. Я посетил бы каждого из них по отдельности, а потом, скорее всего, пришлось бы начать весь процесс заново.

В наши дни достаточно было проверить самую популярную социальную сеть. Судя даже по моему ограниченному опыту, не осталось ни одного подростка, который не зарегистрировался бы в ней, хотя, думаю, скоро молодое поколение найдет для себя иной способ общения. Потому что в «Фейсбук» хлынули родители, разрушая всю его прелесть для молодежи, вытесняя ее оттуда своими видео и фото собачек, кошечек и милейших младенцев, помещая обрамленные в затейливые цветные рамки и набранные прихотливыми шрифтами банальные фразы: «Тебе дана только одна жизнь. Стань же тем, кем велит тебе Призвание!»

Приступив к проникновению в «Фейсбук», я для начала должен был выяснить пароль доступа Скотта. И потратил на решение этой задачи без малого три дня. Я вводил все слова, какие приходили на ум. Самые распространенные, которыми пользуются многие, вроде: ПАРОЛЬ. Хотя и знал, что Скотт был слишком умен для этого. Потом я попробовал поиграть с днем его рождения, используя дату во всех возможных конфигурациях. День, месяц, год. Год, месяц, день. И так далее. Совершенно безуспешно.

Затем я переключился на клички домашних животных. За последние годы мы заводили их не слишком часто. Жил у нас белый пудель Митци, которого раздавил грузовик почтовой службы «ФедЭкс», когда Скотту было всего семь лет. Он сам случайно выпустил песика из дома, когда отпраивался играть с друзьями. На его глазах Митци погнался за машиной и угодил под заднее колесо. Мальчик проплакал тогда два дня подряд, и с тех пор мы зареклись держать дома собаку.

Потом, когда Скотту уже исполнилось десять, в нашу жизнь на три месяца вошел хомячок по кличке Говард. С ним тоже случилось несчастье. Он как-то выбрался из своей клетки, а нашли мы его лишь неделю спустя застрявшим за книжным шкафом. Картинка тоже была еще та.

Клички МИТЦИ и ГОВАРД не подошли.

Я вводил пароли, связанные со всем, что когда-либо интересовало Скотта. Названия фильмов и имена героев. Фамилии знаменитостей, любимых музыкантов, их песни. Марки автомобилей.

Ничто не срабатывало.

Но вдруг однажды мне на память пришли два слова, которые Скотт пускал в ход, если желал привлечь наше внимание. Он мог выкрикнуть их из любой комнаты в доме или просто пробурчать, появившись на пороге нашей спальни. Два слова, слившиеся в одно. И эта привычка, возникшая еще в младенчестве, сохранилась у него до того самого дня, когда...

Ну, вы поняли, о чем я.

«Мампап! – кричал он. – Мампап!»

Я ввел МАМПАП.

И тут же вошел на его страницу.

Трудность заключалась тогда лишь в том, что на несколько минут мои глаза заволокли слезы, и я не смог сразу заняться обширным кругом его друзей.

Но как только мне удалось успокоиться, я обнаружил в списке двести семнадцать фамилий. Солидное число, если не сказать – огромное. Хотя при этом, являясь членом сообщества, Скотт не слишком много общался с людьми внутри его. Да и сам размещал что-либо редко, а когда делал это – запускал ссылку на фрагмент понравившегося фильма, или на серию из «Семьянина», или на статью с любимого сайта, – очень немногие откликнулись и присылали

ему свои комментарии. Была лишь небольшая группа тех, с кем он поддерживал регулярную переписку, и их я, разумеется, проверил в первую очередь. Некоторых скрытно, других – не особенно маскируясь.

Как я и предполагал, Клэр Сэндерс числилась в списке друзей Скотта, но помимо записи больше ничего не нашлось. Они не отправили друг другу ни одного письма.

Однако сейчас меня интересовали друзья не Скотта, а Клэр. Я щелкнул курсором на фамилии, перешел на ее страничку и сразу увидел, что таковых набралось более пяти сотен. Это грозило занять немало времени. Зато я мог рассчитывать, что та, кого она уговорила поменяться местами, непременно значилась среди ее друзей в «Фейсбуке».

Сначала я просмотрел размещенные Клэр фото, но их оказалось совсем немного, включая и ту, которую показал на своем мобильнике Хейнс. Мне попала пара снимков с других увеселительных мероприятий, на которых присутствовала девушка, очень похожая на ту, в моей машине, вот только фотографии не сопровождались подписями с именами.

Я перешел к списку друзей Клэр и стал пролистывать его сверху вниз, глядя на изображения лиц размером с почтовую марку и выискивая девушку, пытавшуюся выдать себя за подругу.

Все оказалось далеко не так просто, как хотелось бы.

Снимки были не только мелкими. Многие оказались еще и нечеткими, а на некоторых помещалось одно главное лицо в окружении нескольких других. И, подобно миллионам пользователей «Фейсбука», друзья Клэр порой предпочитали вовсе не размещать в своем профиле фотографий. Их заменяли образы знаменитостей. К примеру, парень по имени Брайсон Дэвис воспользовался снимком Джорджа Клуни. Другой, Десмонд Флинт, стал Гором – роботом из фильма «День, когда Земля замерзла». Несколько подростков выбрали для себя персонажей мультфильмов вроде Снупи или Картмана из «Южного парка».

К такому же трюку прибегали и девушки. Наверняка Элизабет Пинк в жизни мало напоминала Леди Гагу. А если Патриция Хенгл была похожа на свою аватарку, то ей срочно требовалась помощь, потому что ее лицо заменял ломтик пиццы пепперони.

Если окажется, что ни одна из подруг Клэр, разместивших свое реальное фото, не похожа на нужную мне девушку, придется вернуться к этим странным профилям и проверить, нет ли на страничках более вразумительных снимков. По крайней мере, к части страниц доступ у меня был. Но вот если некоторые личности не являлись одновременно друзьями и Скотта, и Клэр, получить о них более подробную информацию могло и не удастся, поскольку я зашел в Сеть как Скотт.

Увы, все эти новейшие возможности покопаться в частной жизни людей зачастую имели и разнообразные препятствия.

Я медленно продвигался по списку, вглядываясь в девичьи и женские лица. Большинство можно было отмести сразу. Либо намного старше, либо другой цвет волос или кожи. Но как только я наткнулся на светловолосую девушку-подростка, то задерживался, щелкал курсором на фото и заходил на личную страничку в поисках более крупных изображений. Обнаружив ошибку, возвращался назад и продолжал поиск.

– Ты вторгаешься в его личную жизнь. Неужели сам еще не понял? Мне кажется, это до сих пор имеет значение и недопустимо.

Я поднял взгляд и увидел Донну, стоявшую в проеме кухонной двери.

– В данный момент я вторгаюсь в совершенно чужую личную жизнь, – ответил я. – Подобным образом я уже давно зарабатываю себе на хлеб, если ты этого еще не поняла.

– Оставь его в покое.

– Но я же сказал, что Скотта это не касается.

– Это касается той девушки, которую ты подснял.

– Девушки, которую я подвез, – поправил я.

– Как, ты сказал, ее зовут?

– Клэр.

– Клэр. А дальше?

– Клэр Сэндерс.

Донна изумленно подняла брови.

– Дочь Бертрама Сэндерса зовут Клэр. Это ее ты посадил в свою машину?

– Да.

– И она пропала? Именно о ней тебя спрашивали Бриндл и его напарник?

– Верно.

Донна сложила руки на груди. Выражение злости на ее лице сменилось озабоченностью.

– Представляю, как ему сейчас тяжело.

– Гм. Только ему?

– Да, жене, конечно, тоже. То есть бывшей жене, если точнее. Он ведь с ней в разводе.

– Вижу, тебе многое о нем известно.

– Он же наш мэр и часто является в участок, хотя его там не слишком рады видеть. Но ему нравится приходить и действовать на нервы Огги.

Донна имела в виду Огастеса Перри, начальника нашей полиции. Его нигде не значившийся домашний номер имелся, однако, в моей телефонной книжке. Причем не только по профессиональным причинам. Я вспомнил статью в газете, прочитанную накануне вечером, о том, как мэр Гриффона Берг Сэндерс собирался противодействовать применению офицерами полиции чрезмерного насилия. Интересно, мог ли мэр, который раздражал всех полицейских в нашем городке, полагаться на тех же копов, поручая им провести деликатные поиски пропавшей дочери?

И тем не менее складывалось впечатление, что Бриндл и Хейнс занимались именно этим.

Может, Огастес Перри рад был оказать мэру такую услугу, чтобы рассчитывать на ответную благосклонность в будущем? Шеф полиции ловко умел заставить людей становиться его должниками.

– Ты считаешь, мэр мог обратиться к нему лично? – спросил я. – Попросить помочь найти дочь, не поднимая официально никакой шумихи?

– Многие наступают на собственную гордость, когда речь заходит о безопасности их детей, – ответила Донна. – А вот тебе не кажется, что это как раз то дело, куда лучше не совать свой любопытный нос?

– Мой нос уже увяз там, и очень глубоко, – отозвался я. И коротко поведал о событиях минувшего вечера. Я вполне мог оказаться последним, кто видел Клэр до ее исчезновения. – Что еще ты знаешь о Бертраме Сэндерсе? – поинтересовался я.

– Бывший преподаватель колледжа Канисиус. Специальность – политические науки. Написал пару книг, которые, как я знаю, хорошо разошлись. Одной из них стала биография Клинтона в крайне позитивных и лестных тонах. По убеждениям он левый центрист. Мог бы остаться и преподавать еще несколько лет, но предпочел рано уйти в отставку.

– Почему?

Донна пожала плечами:

– Возможно, ему все там попросту опротивело. Со мной работает женщина, учившаяся у него на курсе лет десять-двенадцать назад. Несколько раз он назначал ей свидания, приглашал поужинать с ним.

– Сэндерс ухлестывал за своими студентками?

– Ходило много слухов. Причем его явно не тревожило наличие жены, зато, видимо, не оставляло равнодушной ее, поскольку в итоге она его бросила. Но при всех своих личных недостатках Сэндерс, тем не менее, явный идеалист. Верит в такую эфемерную вещь, как Консти-

туция США. Вот почему ему не по душе несколько упрощенная система правосудия, которой придерживается Огги.

Изящно изложено. Затащить правонарушителя на глухую окраину и сломать нос, а не выдвигать официальных обвинений – превосходный способ не слишком перегружать работой суды и юристов.

Последовало секунд десять молчания, пока Донна неподвижно стояла и смотрела на меня.

– Что? В чем дело? – немного удивленно спросил я.

– Так у нас с тобой было прежде, – ответила она. – Мы часто подолгу разговаривали. Помню, как ты приезжал домой и всегда рассказывал мне о делах, над которыми работал.

– Донна!

– Это самый наш длинный разговор за многие недели. – Еще пауза. – А ты помнишь мою подругу Эйлин Скайлер?

– Кого?

– Она еще была замужем за Эрлом. Он работал пограничником на мосту Уирлпул-рэпидс до введения там проезда исключительно для членов НЕКСУСА⁸.

– Помню, но смутно.

– У них вся жизнь пошла наперекосяк после смерти единственной дочери – Сильвии. Она погибла в аварии на мосту Саут-Гранд-айленд, когда врезалась в бензовоз и вспыхнул пожар. Ей было тридцать два. За год до этого от нее ушел муж.

– Теперь припоминаю.

– Для них это стало страшным ударом. И они так горевали, так грустили, что не могли больше даже разговаривать друг с другом. Стоило получить самое маленькое удовольствие, и ими овладевало чувство вины. А ведь наибольшее удовольствие в прежней жизни они получали именно от общения друг с другом. Дошло до того, что они поселились на разных этажах своего дома. Эрл пользовался задней дверью и поднимался к себе наверх, где установил плитку для готовки и маленький холодильник. Эйлин досталась основная дверь, и она обитала на первом этаже. Устроила там спальню. Так они и жили в одном доме, но могли не только не общаться друг с другом, но даже и не видеться неделями.

Я промолчал.

– И вот о чем я подумала. У нас с тобой пойдут дела на лад? Или мне позвонить и вызвать Джилла? – Джилл Стротерс был местным плотником и мастером на все руки, которому мы несколько раз поручали мелкие работы по дому, хотя для других он выполнял и более крупные заказы. Пристраивал к домам флигели, переоборудовал кухни. Платили ему напрямую без всяких формальностей, зато и трудился он на совесть. – Ты бы хотел, чтобы я позвонила ему и попросила построить лестницу от нашей задней двери? Тебе это нужно? Я вовсе не утверждаю, что сама нуждаюсь в такой системе. Но мне важно понять, чего желал бы ты.

– Донна, – начал я, устало вздыхая и глядя вниз, по-прежнему просматривая квадратики со снимками лиц. – Я не хотел бы ничего...

И вдруг я увидел ее. Прямо перед собой на дисплее. Голова чуть склонена набок, светлые волосы каскадом падают на лоб, а по сторонам заправлены за уши. Это была она. Уверен – именно она!

– Ах ты ж, сучка! – воскликнул я.

Я щелкнул курсором по имени рядом с фотографией. АННА РОДОМСКИ.

Поднял голову, чтобы сообщить Донне о своей потрясающей находке, но она уже ушла.

⁸ Специальная облегченная программа пересечения границы между США и Канадой.

Глава 8

Выйдя из «Фейсбука», я вывел на экран городской телефонный справочник и быстро нашел адрес некоего К. Родомски: Арлингтон-стрит, дом 34. Западный район Гриффона.

Схватив ключи от машины, я бросился к выходу, крикнув на бегу:

– Вернусь очень скоро!

При этом я, конечно, понятия не имел, где находилась Донна и могла ли меня слышать.

Дом семьи Родомски представлял собой просторное бунгало, стоявшее на некотором отдалении от проезжей части и окруженное обширной ухоженной лужайкой. В центре ее располагался действующий фонтан, выглядевший как чрезмерно большая ванночка для птиц и смотревшийся на этой улице так же уместно, как эмблема «роллса» на капоте «киа». Родомски, видимо, владели лучшим домом на неплохой улице, а это, как объяснил мне знакомый риелтор, гораздо хуже, чем иметь неплохой дом на лучшей из улиц. Каждая соседняя постройка на Арлингтон-авеню лишь уменьшала общую ценность владений Родомски.

На двойной подъездной дорожке были припаркованы белый джип «форд эксплорер» и темно-синий «лексус». Я поставил машину позади «форда», прошел по выложенной камнями тропинке к парадной двери и нажал на кнопку звонка.

Из дома слышались приглушенные крики. Мужской голос просил открыть, а женский отвечал, что ему самому гораздо ближе и удобнее сделать это. Мне оставалось лишь ждать, когда кто-нибудь из них доберется до двери.

В итоге мне открыл седовласый мужчина лет около пятидесяти, вероятно, только что вернувшийся с работы. Воротник его накрахмаленной белой сорочки был расстегнут, ослабленный узел галстука съехал набок, отвороты костюмных брюк ниспадали на черные носки вместо ботинок. Через дырку в носке виднелся большой палец правой ноги. В руке хозяин дома держал очень большой бокал, до половины заполненный красным вином.

– Слушаю вас, – сказал он.

– Мистер Родомски? – уточнил я.

– Что бы то ни было, мы в этом не нуждаемся.

– Я ничего не продаю. Цель моего приезда...

– Кто там, Крис? – донесся женский крик из глубины дома.

Он повернул голову и криком ответил:

– Не знаю! – Потом снова обратился ко мне: – Так что вы все-таки продаете?

– Я сказал, что ничем не торгую. Мое имя Кэл Уивер, я частный детектив. – С этими словами я протянул ему руку.

Крис Родомски пожал ее, а я почувствовал, насколько потная у меня ладонь, и пожалел, что сам полез с рукопожатием.

– В самом деле? – с любопытством спросил он.

Я достал бумажник и на мгновение показал свое удостоверение. Можно было дать ему рассмотреть мою лицензию и более детально, но, поскольку его глаза казались стеклянными, я не видел в этом никакого смысла.

Женщина – по всей видимости, его жена – появилась у подножия лестницы и двинулась в сторону двери. Шапка каштановых волос, излишек не слишком опрятно наложенной губной помады – возможно, в детстве у нее были проблемы с раскрашиванием картинок. Да и слой румян на щеках выглядел слишком густым, почти комично клоунским. Она тоже держала в руке бокал, но ей уже требовалось наполнить его заново.

– Кто это? – спросила она мужа.

Язык у нее чуть заметно заплетался. Хозяйка еще не достигла стадии сильного опьянения, но, кажется, именно к этому состоянию и стремилась.

– Это сыщик, Глинис.

– Из полиции? – Кожа на ее лице за пределами румян тут же побледнела. Глинис поставила бокал на первую попавшуюся ровную поверхность – небольшой столик у стены.

Пришлось повторно представиться, добавил:

– Я не полицейский. Частный детектив.

– Что-то случилось? – Глинис приложила руку к груди, словно проверяя, насколько у нее участилось сердцебиение.

– Уверен, все в полном порядке. – Ее муж посмотрел на меня с извиняющимся выражением. – Глинис неизменно ждет только дурных новостей.

– Потому что так всегда и получается, – парировала она.

– Можно войти? – поинтересовался я, кивая в сторону гостиной.

– Только скажите сначала: это касается Анны? – спросила Глинис Родомски. – Мне необходимо это знать.

– Да, – признал я. – По крайней мере отчасти. Она дома?

– Нет, – поспешно вставил муж, – она сейчас не здесь.

Это немедленно вызвало у меня подозрение: дома-то Анна и была в данный момент.

Мы присели в гостиной. Сквозь дверной проем я мог рассмотреть часть кухни. В раковине высилась гора грязной посуды, на стуле лежала уже покосившаяся толстая кипа старых газет, на столе я видел непечатую бутылку вина, а рядом открытую коробку овсяных хлопьев. Если только они не собирались ужинать хлопьями, коробка простояла там с самого утра.

По контрасту с этим хаосом гостиная выглядела как иллюстрация из книги по правильному уходу за домом. Два составлявших пару дивана, два составлявших пару кресла с продуманно уложенными подушечками.

Крис Родомски отшвырнул одну из них в сторону, прежде чем занять место в кресле, и она бесшумно упала на ковровое покрытие пола. Глинис раздраженно покосилась на мужа, но лишь на мгновение, поскольку, как я догадывался, мое присутствие тревожило ее намного больше, чем небрежное отношение Криса к ее попыткам наведения уюта. Сама она расположилась на диване, а я опустил в оставшееся свободным кресло.

– Вы знаете, где Анна сейчас? – спросил я.

Они обменялись взглядами.

– Сию секунду – нет, – ответил Крис. – Есть несколько мест, где она может находиться. – Он старался говорить об этом как можно более легковесным тоном. – Возможно, у своих друзей. – Уже серьезнее он добавил: – Но прежде чем отвечать на ваши вопросы, хотелось бы выяснить их причину.

– Это наверняка связано с тем маленьким бизнесом, который она затеяла со своим дружкой, верно? – выпалила Глинис. – Я же предупреждала, что все закончится для нее неприятностями!

Крис Родомски выстрелил в нее взглядом.

– Мы пока не знаем, связан ли визит мистера Уивера именно с этим.

– С бизнесом? – переспросил я.

Но он лишь отмахнулся от моего вопроса:

– Скажите же нам, зачем вы здесь.

Я сделал глубокий вдох.

– У Анны есть подруга, которую зовут Клэр Сэндерс. Я прав?

– Да, – ответила Глинис.

– Клэр никто не видел со вчерашнего вечера, и я пытаюсь разыскать ее. Вот и подумал, что Анна может мне помочь.

– Что значит «никто не видел»? – уточнила Глинис. – Она пропала?

Мною овладели сомнения. Не зная, где находится человек, и включать его в категорию пропавших – это разные вещи. Я решил ограничиться фразой:

– Ее необходимо разыскать.

– Я понятия не имею, где она, – сказала Глинис. – Я про Клэр, конечно же. Она иногда к нам заходит, но только в то время, когда Анна дома, а застать ее здесь бывает не просто.

– Но ведь она тут живет, – заметил я, скорее констатируя факт, чем спрашивая.

– Чисто формально – да, – кивнула мать Анны, – но она порой днюет и ночует с этим своим ухажером.

– Вот именно, ночует, – ухмыльнулся Крис.

– Как его зовут? – спросил я, доставая небольшой блокнот.

– Шон, – ответила Глинис.

– Шон. А фамилия?

– Скиллинг, – произнес Крис Родомски, поднося к губам бокал и делая большой глоток.

– Точно, – неожиданно обрадовалась Глинис. – Шон Скиллинг. А мне каждый раз, когда я пытаюсь вспомнить его фамилию, в голову лезет скиллет⁹.

– У Анны есть мобильный телефон? – спросил я.

Глинис закатила глаза. Ее напряжение заметно ослабло, когда она поняла, что речь пойдет скорее о Клэр, чем о ее дочери.

– Вы шутите? Да его словно хирургическим путем ввели внутрь ее руки... – Она задумалась. – Или головы. Так сразу и не скажешь, куда именно.

– Не могли бы вы позвонить ей и попросить приехать домой?

– А что я ей скажу?

– Не знаю. Что-то произошло. Важное семейное дело. Ей нужно срочно быть дома. В таком роде.

На лице Глинис отразилось сомнение.

– Я, конечно, могу попытаться. – Она сняла трубку обычного телефона, стоявшего на столике рядом с диваном. Долго держала трубку у уха и ждала. Чуть заметно кивала в такт каждому гудку, потом заговорила:

– Привет, милая! Это твоя мамочка. Не могла бы ты приехать домой? Нам с папой необходимо с тобой кое-что обсудить. Только это... – Она бросила взгляд на меня. – Не телефонный разговор. – Она сделала паузу и закончила с напускной веселостью: – Надеюсь, ты хорошо проводишь время.

Глинис положила трубку.

– Она либо перезвонит, либо нет. Наверняка увидела на дисплее, что это я, и не стала отвечать сразу. Когда у нее определяются наши имена, она обычно игнорирует звонки. Я могу отправить ей эсмэску, но эффект будет тот же.

Родомски покачал головой:

– На самом деле это очень неудобно, если действительно необходимо с ней связаться. У вас есть дети?

– Сын, – ответил я после некоторого колебания.

Родомски посмотрел на меня не без зависти.

– Тогда, уж поверьте, вы в гораздо лучшем положении. Девочки больше подвержены различным неприятностям.

– Давно ли дружат Анна и Клэр? – спросил я.

– По-моему, примерно с седьмого класса, – отозвалась Глинис. – Они теперь просто неразлучны. Ночуют дома друг у друга, обмениваются одеждой, вместе ездят на школьные экскурсии.

⁹ Кастрюля или сковородка с длинной ручкой.

– А что вам известно о Клэр? – поинтересовался я.

Глинис пожала плечами:

– Она хорошая девочка.

– Но она к тому же дочь мэра, знаете ли, – добавил ее муж. – Этого тупоголового чинуши.

– Вижу, вы не из числа его сторонников.

Крис снова покачал головой:

– Вы же смотрите новости, как все мы, так? Видите, что творится всего в часе езды к югу отсюда? Хотели бы, чтобы в Гриффоне стало происходить нечто подобное? Я думаю, наши копы делают все правильно, и я их действия одобряю. Но вот Берта Сэндерса больше волнуют гражданские права каких-то подонков, чем наше с вами право спокойно спать по ночам. Я подписал петицию. И даже не один раз. Подписываю ее в каждом магазине, куда захожу. А вы?

– У меня почему-то никогда не оказывается при себе ручки.

– Вы либо поддерживаете шефа полиции Перри, либо нет, вот как я это воспринимаю.

– У нас с шефом сложились несколько сложные взаимоотношения, – сказал я. Мне вовсе не хотелось продолжать разговор о политике. Я повернулся к его жене и осведомился: – Когда вы в последний раз видели Анну?

Она посмотрела на супруга, потом снова на меня.

– Вчера вечером я не слышала, как она вернулась домой, а утром, должно быть, рано уехала в школу...

– Анна не ночевала сегодня дома, – перебил ее Крис. – Ради бога, Глинис, перестань строить из себя наивную дурочку.

– Если она не возвращалась домой, то где же была?

– У этого парня. У Шона. Она проводит у него дома почти все ночи.

– А он живет с родителями?

Родомски кивнул:

– Такое впечатление, что им это кажется нормальным. То, что девушка живет в грехе с их сыном. Фактически поселилась в его спальне. Я в шоке.

– Живет в грехе, – передразнила его Глинис. – Ты словно явился из прошлого столетия!

– Мне нужен номер сотового Анны, – обратился я к ним обоим. – И адрес Шона Скиллинга.

– Я могу дать вам ее номер, но точно не знаю, где живут Скиллинги, – сказала Глинис. – Хотя почти уверена, что вы найдете их в справочнике.

Она продиктовала номер, который я занес в свой блокнот.

– Они вместе учатся в школе?

Глинис кивнула:

– А у Шона есть своя машина.

– Что за машина?

Она беспомощно посмотрела на мужа.

– У него пикап, – сообщил он. – Скорее всего, «форд». Знаете салон «Форды» Скиллинга» на окраине?

Я знал.

– Это их фирма.

– А чем занимаетесь вы, мистер Родомски?

– Я – финансовый советник, – ответил он.

– Здесь, в Гриффоне?

– Нет, наш офис расположен на Милитари-роуд. – Он произнес «миллтри», как делали все в наших краях.

– Я, между прочим, тоже работаю, – возмущенно заявила Глинис. – Ухаживаю за ним и за нашей дочкой. Уж поверьте, это нелегкий труд.

– Одна из любимых вечных шуток Глинис, – устало прокомментировал Крис Родомски. – Она считает, что если что-то прозвучало смешно один раз, то будет звучать смешно всегда.

Я вручил им по своей визитной карточке.

– Если Анна приедет домой раньше, чем я ее найду, позвоните мне, пожалуйста. Хотя, может, к тому времени я уже смогу разыскать и Клэр.

Они взяли визитки, даже не удостоив их взглядами.

– Последний вопрос. Что это за бизнес, о котором вы упомянули?

– А? Что? – Глинис изобразила непонимание.

– В начале разговора вы спросили, не связан ли мой приход с бизнесом, который они затеяли. Еще упомянули, как предупреждали Анну, что у нее могут возникнуть из-за него неприятности.

– Это не имеет никакого отношения к Клэр Сэндерс, – встрял Крис Родомски. – Кажется, мы достаточно постарались вам помочь.

Они проводили меня до двери.

Направляясь к своей машине, я чуть отклонился от прямой дороги, чтобы взглянуть на их задний двор. Даже в наступившей темноте я рассмотрел несколько баков для мусора и старые ржавые качели. Должно быть, минули годы с тех пор, как Анна в последний раз на них качалась. Мне вспомнился дорогой костюм Криса Родомски, но дырка в носке. Прекрасная гостиная, но беспорядок на кухне. Ухоженная лужайка перед домом, но джунгли позади него.

И, как показалось, я понял характер хозяев. Они любили производить приятное первое впечатление, а потом, при более близком знакомстве, им становилось совершенно наплевать, что ты о них думал.

Глава 9

Когда она заезжает с работы проверить, все ли с ним в порядке, и завезти обед из ресторана – куриные крылышки «буффало» с жареной картошкой, – мужчина сидит в кресле, держа на коленях раскрытый автомобильный журнал.

– Не понимаю я смысла этих так называемых систем навигации, – говорит он. – Теперь они стоят чуть не в каждой машине. У меня никогда не было ничего подобного.

– Я слышала, и работают они не особенно хорошо, – отзывается она. – Ходят рассказы про одну идиотку, которая упрямо следовала указаниям навигатора и въехала напрямик в озеро.

Мужчина тихо смеется.

– О, пахнет моими любимыми крылышками. – Он берет пенопластовую коробку и открывает ее. – Выглядит аппетитно.

– Еще я принесла тебе много бумажных и влажных салфеток, – говорит женщина. – Постарайся не раскидать кости по всей комнате.

Словно это поможет. Он вечно роняет еду на пол и по углам. Примерно раз в неделю она пытается навести здесь чистоту, но разве мало у нее других забот? В комнате пованивает, однако она уже давно перестала обращать внимание на неприятный запах.

– Ты обдумала то, о чем я сказал этим утром? – спрашивает он, кусая крылышко и разрывая куриное мясо своими посеревшими зубами.

– О чем ты мне сказал этим утром? – переспрашивает женщина. Конечно, она все помнит – ей всегда заранее известно, как пойдет их разговор, – но, притворяясь забывчивой, выигрывает немного времени.

– О том, чтобы пойти на работу. Или хотя бы просто выйти из дома.

– Хватит об этом. Ты меня уже утомил.

Она собирает с его постели разбросанные журналы – автомобильные, «Пипл» и несколько номеров «Нэшнл джиогрэфик» – и складывает ровной стопкой на столике у кровати.

– Не думай, что если будешь спрашивать меня об одном и том же каждый день, то однажды ответ станет другим. Ты... О господи, у тебя вся простыня в хлебных крошках!

Мужчина говорит:

– Если тебя беспокоят трудности с тем, чтобы вывести меня из дома, то, думаю, по лестнице я смогу спуститься сам. Просто уйдет больше времени, и только-то.

– Проблема не в трудностях, – отвечает женщина. – И тебе это прекрасно известно.

Нечто, волновавшее ее еще утром, снова начинает ее тревожить. Где его тетрадка? Та, куда он делает записи трижды в день. Или даже чаще? Теперь она вспоминает, что не видела ее уже несколько дней.

– Где твоя идиотская маленькая записная книжка? – спрашивает она.

– Ты же знаешь, я делаю записи в ней только после того, как ты уходишь.

– С каких пор?

– Не помню. Просто записываю.

– Где она сейчас?

– Думаю, упала под кровать. А может, застряла между матрасом и стеной.

– Подвинься, и я ее найду.

– Ничего, – отвечает он. – Сам справлюсь.

– Лучшие найди ее скорее, пока не забыл, что хочешь записать, – говорит женщина, решив оставить эту тему. По крайней мере сейчас. Ей пора идти.

Когда же она поворачивается к двери, мужчина останавливает ее:

– Подожди.

Она замирает и спрашивает:

– Что такое?

– Мальчик, – произносит он. – Что происходит с мальчиком?

Мгновение она в замешательстве гадает, кого он имеет в виду: своего пасынка или того, кто причинил им в последнее время столько неприятностей? И выбирает ответ, общий для обоих возможных вариантов вопроса:

– Все под контролем. Мы делаем то, что в наших силах, чтобы разобраться с этим.

– Может, – говорит мужчина с легким оттенком надежды, – все случившееся даже к лучшему. То есть возможны перемены в положении дел. – Он улыбается, снова показывая свои серые зубы. – Мне бы перемены не повредили.

– Нет, – резко возражает она. – Никаких перемен это не сулит.

Глава 10

Я думаю о Скотте постоянно. Чем бы я ни занимался, нечто похожее на низкочастотный гул неизменно звучит где-то в уголке моего сознания.

Я вспоминаю, каким он был, что мы с ним делали вместе. Моменты. Мысленные фотографии. Некоторые воспоминания оказывались приятными, другие – не очень. А какие-то становились своеобразными вехами, отмечавшими наш путь.

Когда Скотту было восемь лет, из школы позвонили и сообщили, что он подрался с другим мальчиком. Донна не смогла отпроситься с работы, а у меня как раз выдался перерыв между заданиями, и туда отправился я. Сын сидел на скамье в приемной директора, устремив взгляд вниз, причем его ноги в кроссовках едва достигали пола, и он ими болтал.

– Привет! – сказал я, и он поднял глаза. Они покраснели, но Скотт уже больше не плакал. Я сел рядом, наши бедра соприкоснулись, и он склонился ко мне. Положив голову на мою грудь, сын произнес:

– Я думал, что поступаю правильно.

– Начни-ка с самого начала.

– Микки Фарнсуорт бросил камень в проезжавшую машину, а я рассказал об этом учительнице. Она была занята, а потом и вовсе обо всем забыла. На перемене Микки обозвал меня ябедой и начал бить, так у нас завязалась драка, и теперь у обоих проблемы.

– Где сейчас Микки? – поинтересовался я.

– За ним заехала мама и забрала его с собой. Она тоже обозвала меня ябедой.

Вот это уже по-настоящему меня возмутило, но пришлось унять свои чувства. Вся штука в том, что у Скотта к тому времени уже сложилась определенная репутация. И приклеилось клеймо стукача. А ему просто не нравилось видеть, как другим сходят с рук дурные поступки. Вот только восстановление справедливости зачастую оборачивалось против него самого.

Добро пожаловать в наш мир, мой мальчик.

– Ведь нельзя кидать камни в машины, верно? – спросил он.

– Верно.

– Вы с мамой всегда учили меня, что я не должен оставаться в стороне, когда кто-то нарушает закон. А разве бросаться камнями – это не нарушение закона?

– Конечно, нарушение.

– Так почему же меня отстранили от занятий?

Я обнял его и потрепал по плечу. Мне не приходило в голову ничего, что я мог бы сказать без лицемерия. Но я попытался:

– Иногда бывает, что правильные поступки причиняют людям вред. – Я сделал паузу. – Вот почему в некоторых случаях поступать правильно не всегда оправданно для тебя самого. Очень сложно во всем быть правым. По крайней мере, это не самый легкий путь в жизни.

– А разве ты сам не всегда поступаешь правильно? – спросил Скотт, посмотрев мне в глаза.

– Я постараюсь всегда поступать правильно, когда дело будет касаться тебя, – ответил я. Он снова положил голову мне на грудь.

– Директор хочет поговорить с тобой.

– Хорошо.

– И тебе придется отвезти меня домой.

– Хорошо.

– Я буду наказан?

– Тебя уже наказали, – сказал я. – Хотя несправедливо и по неверным причинам.

– Мне это непонятно, папа.

– Мне тоже, сынок. Мне тоже.

Отправившись на поиски дома Скиллингов, я размышлял, что делаю и почему. Мне необходимо узнать, все ли в порядке с Клэр Сэндерс, и выяснить, раз уж меня втянули в это странное дело, не подверг ли я ее опасности своими поступками. А если подверг, нужно попытаться понять, как действовать дальше. Мне не нравилось, когда дети попадали в беду.

Да, но порой ты готов запугивать их до полусмерти, когда тебе нужно.

Я был уверен, что найду ее. Сложно даже припомнить, сколько раз меня нанимали для розыска пропавших детей – уже точно не меньше двадцати, – и я только однажды потерпел неудачу. Да и то лишь потому, что тот двенадцатилетний оболтус сам вернулся домой до того, как я нашел его.

Хорошо, предположим, я обнаружу Клэр дома у какого-нибудь парня, в калифорнийской общаге или на пляже во Флориде. Каков мой план на такой случай? Стоит ли тащить ее силком обратно в Гриффон?

Едва ли.

Моя обязанность – объяснить ей, как волнуются за нее дома, настоятельно рекомендовать немедленно позвонить родным. Строго отчитать за то, что сделала меня соучастником своего побега.

И хватит.

Шон Скиллинг выведет меня на Анну, а Анна – на Клэр. Так или иначе.

Резиденцию Скиллингов я отыскал в полумиле дальше по дороге в районе Дэнси. Уже к моему приезду в дом Родомски сгустились сумерки, а когда я оказался в районе, где жили Скиллинги, окончательно стемнело. Я медленно двигался вдоль улицы, всматриваясь в номера домов и удивляясь, как многие местные обитатели делали их трудноразличимыми. Если им не хотелось облегчить поиски для пожарных, они могли подумать хотя бы о проблемах, создаваемых развозчикам пиццы.

Номер дома был четным, и значит, располагался он по левую сторону от проезжей части. По моим предположениям, мне осталось миновать лишь пару кварталов, когда я заметил фары машины, выезжавшей из двора впереди. На подъездную дорожку ее прежде загнали задним ходом, и потому свет фар ударил сейчас прямо мне в лицо. Проморгавшись и разминувшись с машиной, я бросил на нее взгляд. Затем увидел номер дома, выложенный медными цифрами на большом декоративном камне, водруженном на тротуар. Это было нужное мне место.

А машина оказалась пикапом. Черным «фордом рейнджер». В темноте я успел разглядеть за рулем молодого человека в кепке-бейсболке.

Я остановился у бордюра на противоположной стороне улицы, а грузовичок взревел двигателем и рванул вперед так быстро, что у него даже немного занесло хвостовую часть. Умчался он как раз туда, откуда приехал я. Мне пришлось оперативно выполнить в три приема разворот и тоже дать газу. Пикап успел скрыться за поворотом, а потому вряд ли парень за рулем заметил, как я выполнил маневр и последовал за ним.

Левый вираж, правый, и вот мы уже выскочили на Денберри. Кажется, я догадался о намерениях водителя пикапа.

Через четыре минуты моя мысль подтвердилась. «Рейнджер» пересек еще одну улицу и свернул на стоянку позади «Пэтчетса». Я остановился у тротуара, чтобы хорошо разглядеть юношу, когда он выбрался из машины и быстрым шагом направился ко входу в бар. Нет, он не бежал, но в его походке ощущалась торопливая стремительность, а все движения выдавали в нем спортсмена. Шести футов ростом, весом около ста восьмидесяти фунтов, с грязноватыми светлыми волосами, торчавшими из-под бейсболки с двумя широкими горизонтальными полосами над козырьком. Эмблема «Биллз». В «Пэтчетсе» он будет далеко не единственным в таком головном уборе.

Как только парень исчез внутри, я тоже заехал на стоянку, припарковал «хонду» позади пары «харли-дэвидсонов» с высокими рулями, пересек улицу и вошел в бар. «Пэтчетс» ничем не отличался от тысяч других подобных заведений. Тусклое освещение, громкая музыка, перила, кресла и столы из тяжелой древесины дуба, запахи пива и пота, витавшие в воздухе. В баре собралось человек сто. Некоторым приходилось стоять, но большинство расположились за столами, занимаясь ребрышками, крылышками, картошкой в мундире и, конечно, графинами с пивом. Примерно дюжина клиентов пристроилась около бильярда.

Я, разумеется, не стал самым пожилым посетителем, но клиентура в основном состояла из парней и девушек чуть старше двадцати лет. А зная «Пэтчетс», я заподозрил, что в толпу затесалось и несколько подростков. Выделить их было нетрудно, но не из-за явной юности лиц. Просто именно они очень старались пить с крутым видом зрелых людей. Только они держали бутылки с пивом за горлышко, зажав его между указательным и средним пальцем, словно такая манера давно вошла у них в привычку.

Я бегло осмотрел зал в поисках Скиллинга и заметил его за разговором с каким-то мужчиной у стойки бара. Но поскольку в динамиках грохотала популярная в 1969 году песня «Гордая Мэри» – вряд ли кто-то в баре тогда уже появился на свет, кроме меня, хотя и я лежал еще в колыбели, – разобрать, о чем они беседовали, было невозможно. Читать по губам я не обучен, а потому тоже протиснулся к стойке у них за спинами, привлек внимание бармена и заказал бутылку пива «Корона», все это время пытаясь расслышать слова парня.

Теперь, когда я стоял вблизи, это оказалось несложно, поскольку всем при разговоре приходилось орать, чтобы перекричать звуки музыки. Собеседник Шона выкрикнул:

– Я не видел ее, чувак. А сам ты когда с ней разговаривал в последний раз?

– Встречался вчера вечером! – громко сообщил Шон.

– Она не отвечает по мобильнику?

Шон покачал головой и попросил:

– Послушай, если увидишь ее, передай, чтобы связалась со мной, ладно?

– Да не проблема!

Шон Скиллинг отошел от стойки и пересек зал, чтобы поговорить с одним из троих парней, стоявших у бильярдного стола, на котором увлеченно гоняли шары двое очень толстых бородатых мужчин в черных кожаных куртках, явно не из числа местных жителей. Я постоял на месте еще полминуты, а потом прихватил свое пиво и тоже переместился туда.

Примерно в двух футах от них высилась колонна. Встав спиной к Шону, я оперся на нее, но шум не позволял расслышать его слова, хотя говорил он по-прежнему очень громко. Пришлось подойти еще ближе к группе и притвориться, что я с интересом слежу за игрой двух иногородних байкеров. Мне они показались кем-то вроде самозванцев, не принадлежавших к банде «Черных ангелов», но отчаянно стремившихся косить под них.

– Прости, приятель! – расслышал я голос присоединившейся к группе девушки. – Но я видела ее здесь в последний раз только вчера. Или это было даже позавчера?

Знала ли Анна, как старательно ее дружок разыскивал Клэр? Был ли Шон Скиллинг тем типом в пикапе, от которого Клэр хотела сбежать? И не потому ли Анна так охотно помогла ей разыграть спектакль с подменой, чтобы ее ухажер оставил подругу в покое?

– Ладно, если встретишь ее, передай, чтобы позвонила мне, – попросил Шон.

Девушка кивнула в ответ. Многие в баре явно были под кайфом. Парень в черной футболке с изображением Бэтмена спросил:

– Эй, могу я сделать у тебя заказ на субботу вечером?

– Сейчас не до этого, чувак.

Шон заметил другого знакомого в дальнем углу зала. Я не видел смысла подслушивать еще один разговор, который будет повторением двух предыдущих. К тому же там не нашлось бы местечка, чтобы сделать это незаметно.

Я лишь издали понаблюдал, как Шон задал те же вопросы молодому человеку, сидевшему за столом и стиравшему влажной салфеткой с пальцев соус от жареных куриных крылышек. Парень покачал головой, Шон кивнул. Затем повернулся, разглядывая толпу в баре в поисках приятелей. Заметил официантку, державшую на плече поднос с двумя графинами пива, и заставил ее остановиться на полпути к клиентам. Она мотнула головой и поспешила дальше.

Шон Скиллинг остался стоять на месте, словно не зная, что еще предпринять. Затем сунул руку в карман и достал сотовый телефон, вероятно, проверяя, не пришли ли эсэмэски, звука которых он мог не расслышать, и убрал мобильник обратно.

И направился к двери.

Я поставил свою пивную бутылку на ближайший стол и последовал за ним.

Он уже собирался свернуть за угол, когда я окликнул его:

– Шон!

Шон повернулся и покосился на меня:

– В чем дело?

– Вы Шон Скиллинг?

– А вы, черт побери, кто та... Мы с вами знакомы?

– Я – Кэл Уивер.

Он чуть наклонил голову, услышав мою фамилию.

– Уивер?

– Именно так.

– Отец Скотта?

– Да, – ответил я.

– Вы ведь частный сыщик, верно? – Вопрос был задан с предсказуемой интонацией.

– Да, – подтвердил я.

Шон энергично покачал головой и поднял руки ладонями наружу.

– Я ни о ком и ни о чем не знаю.

– Ты даже не знаешь, о чем я собирался спросить тебя.

– О Скотте, верно? Но мне нечего вам сказать.

– Я здесь по другому поводу. Пытаюсь разыскать Клэр Сэндерс.

Он открыл рот, но заговорил не сразу:

– А вам-то за каким хреном понадобилось вмешиваться в это дело?

Я слышал, как за нашими спинами открылась и захлопнулась дверь бара. Вышедшая из него парочка со смехом пересекла улицу.

– Послушай меня, Шон. Мне нужно поговорить с Анной. Думаю, она знает, где находится Клэр. Ее уже всю разыскивает полиция.

Он отмахнулся от меня:

– Да пошел ты... Сам знаешь куда!

Я сделал шаг в его сторону.

– В мои планы не входит создавать для тебя проблемы. Я лишь хочу убедиться, что с Клэр все в порядке. Где мне найти Анну? Она вместе с Клэр?

До меня вновь донесся звук открывшейся двери, и на несколько секунд уличную тишину нарушил шум голосов и музыки.

– Давай же! – попросил я. – Отправимся в спокойное место, выпьем кофе, и ты мне все расскажешь.

Шон Скиллинг расхохотался:

– Сейчас. С разбегу. Так я и пошел с тобой в тихое место, псих трахнутый!

Мне показалось, что на долю секунды его взгляд устремился куда-то за мою спину. Я и сам посмотрел через плечо как раз в тот момент, когда кто-то крикнул:

– Уноси живо ноги, парень!

Скорости моей реакции не хватило, чтобы избежать удара кулаком, хотя я вовремя поднял руку, чтобы слегка его смягчить. Однако мне угодили в висок с такой силой, что я повалился наземь, даже не успев разглядеть нападавшего.

Рухнул я почти плашмя, и отнюдь не небесные звезды закружились перед глазами. Я услышал, как две пары ног разбежались в разных направлениях.

– Вот черт, – пробормотал я, прикладывая ладонь к виску.

Грохнулся я на спину. Потом перекатился, с трудом привстал на колени и, подождя, пока мир не перестанет так быстро вращаться вокруг, поднялся на ноги. Со стороны стоянки донесся рев двигателя пикапа, а потом визг шин, когда с гравия машина выехала на асфальт.

– Вы в порядке?

Рядом со мной стояла крупная дама лет шестидесяти с лишним. Ее седые волосы прямо ниспадали на плечи, и было ясно, что своей прически она не меняла ни разу за последние четыре десятилетия. Она усмехнулась, разглядывая меня.

– Похоже, вам крепко досталось. Почему бы не зайти внутрь? Посмотрим, не нужна ли медицинская помощь. Меня зовут Филлис. Я хозяйка этой дыры. А кто вы такой, мне тоже прекрасно известно.

Глава 11

Филлис снова провела меня в «Пэтчетс», пустила сначала за стойку с кассой, а потом и в свой кабинет. Я хотел было воспротивиться, заявить, что чувствую себя прекрасно. Но, во-первых, мою руку держали словно в тисках, а во-вторых, беседа с Филлис могла оказаться полезной. Когда мы проходили мимо бармена, подавшего мне прежде бутылку «Короны», она сказала:

– Принеси немного льда и полотенце, Билл, для этого Сэма Спейда¹⁰.

– Садитесь, – распорядилась она, отпуская мою руку и указывая на кожаное кресло перед своим рабочим столом.

Я сел. Появился Билл с полотенцем в красно-белую клеточку, в которое завернул с полдюжины кубиков льда.

– Приложите это к голове, – велела Филлис.

Я взял полотенце и прижал к виску, который, признаться, болел и сильно пульсировал. Когда Билл нас оставил и закрыл дверь, Филлис устроилась на краю стола и поднесла к моему лицу сжатый кулак.

– Сколько пальцев я вам сейчас показываю?

– Простите, но это даже смешно, – отозвался я.

Тогда она вытянула вверх средний.

– А теперь?

– Один.

Она рассмеялась:

– Хорошо, значит, ничего серьезного. Но только продолжайте держать ледовый компресс. Ранения в голову даром не проходят. Помните, как Мэнникс¹¹ отрубился почти на неделю? Дело могло закончиться кровоизлиянием в мозг.

– Судя по ссылкам на Мэнникса и Сэма Спейда, вам известно, чем я зарабатываю на жизнь, – заметил я.

Она кивнула:

– Я вас сразу узнала, как только увидела. Вы – Кэл Уивер.

– А вы Филлис...

– Филлис Пирс.

– Может, мы раньше встречались, но я, к сожалению, не могу вспомнить.

– Не встречались! – Она покачала головой. – Но я вас часто вижу в городе. Для меня важно знать в Гриффоне каждого. Я прожила здесь всю жизнь и, если появляется новичок, всегда интересуюсь, кто он и откуда. Вы переехали сюда лет восемь или даже десять назад?

– Шесть, – ответил я.

– Соболезную по поводу вашего сынишки, – произнесла она.

Я медленно поднял голову, чтобы посмотреть ей в глаза, и ответил:

– Спасибо.

– Мог быть любой.

– Простите, не понял?

– Любой мог продать ему наркотики. – Видимо, на моем лице отразилось удивление, что она в курсе дела, и Филлис с улыбкой добавила: – Я слышала, вы расспрашивали об этом всех подряд. Вы и ко мне пришли сегодня с той же целью?

– Нет, – отозвался я.

¹⁰ Главный герой романа «Мальтийский сокол».

¹¹ Персонаж американского сериала – частный сыщик.

– Потому что... – Она словно не слышала моего ответа. – Я этого не потерплю. Можете по всему городу допрашивать юнцов, как ваш сын добыл наркотики, и я не стану вас осуждать. Но только не в моем заведении. Затевать драку у меня на пороге недопустимо! Поступайте как знаете, но не создавайте проблем на моей территории.

– Во-первых, драку начал не я. – Я почувствовал себя малолеткой, объясняющим мамаше, что ни в чем не виноват. – А во-вторых, я здесь совсем по другой причине. – Я на время снял с виска компресс. – Мне необходимо разыскать Клэр Сэндерс.

– Дочурку мэра?

– Да.

– Так вот кто вам вмазал! Охранник этой милой девочки?

– Нет. Даже не знаю, кто это был. Он застал меня врасплох. Я просто хотел поговорить с парнем по имени Шон Скиллинг. Вы, кажется, действительно знаете весь город. Наверное, и он вам знаком.

– Сын торговца «фордами».

– Он самый. – Я сделал паузу. Лед был таким холодным, что тоже начал причинять боль, однако я снова приложил его к голове. – Мне надо бы взять вас к себе партнером. Вам известно все, что здесь происходит. Вы бы сэкономили мне уйму времени на расследования.

Филлис Пирс снова ухмыльнулась:

– У меня достаточно других хлопот. Управляю, как видите, огромной империей. – Она развела руки широко в стороны. – А что вам понадобилось от молодого Скиллинга?

– Его девушка дружит с Клэр. Она может знать, где та сейчас.

Филлис Пирс медленно кивнула:

– Теперь до меня дошло. По-моему, Клэр появлялась здесь вечер или два назад. О чем вы хотите с ней поговорить?

– Мне просто нужно хотя бы найти ее, – ответил я.

– На кого вы сейчас работаете?

Я молча посмотрел на нее.

– О, я понимаю! Клиент просил о конфиденциальности и все такое. – Филлис обошла вокруг стола и упала в свое огромное и по виду очень мягкое кресло. Перед ней на столе лежала клавиатура компьютера, но монитор она сдвинула в сторону, чтобы он не мешал нам друг друга видеть. Хозяйка бара отбросила пряди седых волос с плеч, а потом движением головы откинула их и со лба. – Хотя, как нетрудно догадаться, в первую очередь ее хотел бы разыскать родной папочка.

– Да, по всей вероятности, так и есть, – согласился я.

– Кто эта подружка Скиллинга?

Я назвал ей имя.

– Ах, Анна! Чадо Криса Родомски. Пятнадцать лет назад нам приходилось вышвыривать отсюда эту вечно пьяную скотину каждый божий вечер. Моему мужу, разумеется, не мне самой.

– Ваш муж здешний вышибала? – Я не заметил среди персонала бара никого, подходившего Филлис по возрасту.

– Да, тогда и это входило в число обязанностей Гарри. Но вот уже семь лет, как я его потеряла.

– Сожалею, – произнес я.

Она пожала плечами:

– Не слишком легко управлять таким заведением одной. Наш сын предпочел пойти в жизни другой дорогой, но у меня здесь подобралась хорошая команда помощников.

Я снял с виска холодное и теперь насквозь промокшее полотенце.

– Куда мне деть это?

Пирс указала на небольшую раковину, вмонтированную в одну из стен. Рядом находился маленький личный бар. Я поднялся, бросил полотенце, и подтаявшие остатки ледяных кубиков зазвенели в сточной трубе. Я осмотрелся: в комнате висели штук двадцать черно-белых пейзажей Гриффона, снятых, видимо, сразу после основания городка. На некоторых были изображены лошади, запряженные в повозки.

Филлис заметила, с каким восхищением я разглядываю фотографии, и сказала:

– Только не думайте, что снимала я сама. Даже для меня это еще было рановато.

На одном из более поздних фото я заметил молодую и гораздо более стройную Филлис, хотя с точно такой же прической, как сейчас. Лишь волосы еще не посеребрила седина. Она стояла на улице перед «Пэтчетсом» под руку с мужчиной – курчавым, на дюйм выше и даже немного стройнее супруги. Я предположил, что это Гарри.

– Ваш муж? – спросил я.

– Да. Но только не Гарри. Здесь я снята со своим первым мужем. Фотографию сделали примерно в восемьдесят пятом году, еще до того, как его доконал рак. А с Гарри я познакомилась в девяносто третьем, и через пару лет мы поженились. – Она хихикнула. – Я тогда весила фунтов на шестьдесят меньше. Но представьте – вместе с весом набралась и мудрости.

Я снова сел, на этот раз пристроившись на диване. Может, Филлис ожидала, что я уйду, как только подлечу свою шишку, но у меня еще оставались к ней вопросы.

– Как я понял, вам известно о том, что случилось с моим сыном Скоттом. Вы когда-нибудь видели его здесь?

Она задумалась.

– Возможно, но я не уверена. Если они выглядят так, словно все еще читают книги про «Братьев Харди», им сюда не попасть. От такого улова мы отказываемся, как рыбаки бросают обратно в воду попавшихся мальков. А у вашего мальчика еще молоко на губах не обсохло.

– Мне показалось, что половины вашей сегодняшней клиентуры в баре быть не должно.

Филлис Пирс устало улыбнулась:

– Для того, кто достаточно долго прожил в наших краях, вы плоховато понимаете, как все устроено в Гриффоне.

– Просветите меня.

Она склонилась вперед. Локти уперлись в стол, а тяжелая грудь легла поверх клавиатуры.

– Разумеется, у нас сидят люди, пьют и едят, хотя формально им еще нет двадцати одного года. В восемьдесят пятом году законодатели штата Нью-Йорк явили миру образец высочайшего ума, когда подняли возраст легального потребления спиртных напитков с девятнадцати до двадцати одного. Как по вашим наблюдениям, мистер Уивер, это помешало юнцам, не достигшим положенного возраста, продолжать пить?

– Нет.

– Конечно же, нет. Как я догадываюсь, в восемьдесят пятом вам самому еще не исполнилось двадцати одного года. – Я промолчал, и она продолжала: – Вам этот закон внушил страх перед Божьей карой или же вы с приятелями все равно продолжали надираться каждые выходные?

– Мы не перестали регулярно выпивать.

– И правильно делали. Мы все прекрасно знаем, как поведут себя в такой ситуации подростки, потому что помним себя в этом возрасте. Так уж пусть лучше развлекаются в каком-то одном месте, где мы хотя бы имеем возможность за ними присматривать. Как вы полагаете?

– Значит, мы сдались. Решили, что если не можем контролировать поступки своих детей, то должны довольствоваться знанием, где они эти поступки совершают.

Пирс окинула меня сияющим взглядом, как учительница самого сообразительного в классе ученика.

– И дело не только в этом. Я вношу посильный вклад в местную экономику. Потому что, лишившись возможности приходить сюда, они уже через десять минут окажутся в Канаде, где легальный возраст для употребления спиртных напитков – девятнадцать лет. Семнадцатилетний подросток с хорошо подделанным удостоверением личности может сойти за девятнадцатилетнего, но ему куда сложнее притвориться двадцатиоднолетним. Все эти детишки, и до, и после визита в «Пэтчетс», ведут вполне взрослый образ жизни: покупают пиццу, едят гамбургеры в «Иггизе», заправляют свои машины бензином, заглядывают в местный «Севен-илевен». И, кстати, перемахнуть через границу стало не так просто, как прежде. У многих ли наших мальчиков и девочек есть паспорта? В былые времена их пропускали на другую сторону за пять секунд, но сейчас, если не имеешь паспорта, граница для тебя закрыта и туда, и обратно. Спасибо Усаме Бен Ладену, гореть ему в аду, мать его так! – Филлис откинулась на спинку кресла. – Не скажу, будто всем родителям в Гриффоне стало легче от осознания: если уж их детишки пьют, то непременно здесь. Те же подростки устраивают вечеринки в подвалах собственных домов, отрываются на всю катушку, стоит лишь папе с мамой уехать из города. И у нас тут очень развит небольшой бизнес по снабжению бухлом юнцов, которым слишком мало лет, чтобы самим покупать его в магазине. Причем даже с доставкой на дом. – Она улыбнулась. – Но и я вношу свой вклад.

– А полиция вас не беспокоит?

– Они очень... помогают. Иногда сюда являются подонки с юга, и копы надежно защищают нас в этом смысле. Меня, к слову сказать, начинают беспокоить те двое парней, которые монополизировали сегодня бильярдный стол.

– Может, местные полицейские снисходительны к «Пэтчетсу», поскольку, как вы мне уже показали, вам известно все о делишках, которые творятся в городе. И потому мало кто хочет вас лишний раз раздражать. – Я прищурился. – А еще есть вероятность, что им малость перепадает в носке под рождественской елочкой.

– А вы умеете гладко изъясняться, – заметила Филлис с усмешкой. – Думаете, я обладаю здесь некой особой властью? На самом деле это не так. Я всего лишь простая женщина, занимающаяся бизнесом и пытающаяся свести концы с концами. Вот только скажу одно: Огастес Перри – хороший человек. – Она лукаво улыбнулась. – Хотя не мне вам это говорить.

– Одна последняя просьба, – произнес я. – Мне бы хотелось посмотреть запись с вашей камеры видеонаблюдения. Хочется выяснить, кто так огрел меня.

– С этим я вам помочь не смогу.

– Не покажете мне, придется показать одному из наших доблестных защитников порядка.

– О, не надо глупостей. – Пирс посмотрела на меня с некоторым разочарованием. – Вы не станете обращаться по этому поводу в полицию, сами знаете. Разве так поступает настоящий частный сыщик? Бежит жаловаться копам каждый раз, когда получает по башке? Не смешите.

Она была права. Я не собирался подавать жалобу на того, кто напал на меня.

– Но причина, по которой я не смогу показать вам записи, совершенно иная, – добавила Филлис, обводя комнату рукой так, словно хотела отдернуть штору на некой потайной двери. – Вы видите где-нибудь мониторы? У нас нет своей системы наблюдения. Нет никаких видеокамер.

– Даже перед входом? – спросил я.

Она покачала головой:

– Кажется, вас это удивляет?

– Да, потому что я слышал другое.

– Вас неправильно информировали. Или вы сами что-то неверно поняли.

– Все может быть. – Я поднялся с дивана.

– Но если я могу вам в чем-то еще помочь, моя дверь открыта для вас, – сказала она. – Вы кажетесь мне человеком, которому не помешает дружеский совет.

Глава 12

Выйдя наружу, я принялся ломать свою все еще сильно болевшую голову над словами Филлис Пирс. Нет внешнего видеонаблюдения? Но вход в «Пэтчетс» располагался всего лишь в нескольких шагах от того места, где была сделана запись, как Клэр Сэндерс стучит в окно моего автомобиля. Как же она попала в объектив камеры системы безопасности, а мразь, ударившая меня, этого избежала?

Прежде чем пересечь улицу и подойти к своей машине, я все же оглядел фасад в поисках камер. Их не было. Но разве Хейнс или Бриндл – кто именно, я не запомнил – не заявил, что именно поэтому они и оказались перед дверью моего дома? Что номер моего автомобиля был снят на камеру бара, когда Клэр ко мне садилась?

И действительно ли коп прямо сказал об этом? Или всего лишь намекнул? Просто не стал оспаривать высказанного мной самим предположения, что моя машина попала на видеозапись?

Я не мог сейчас точно припомнить подробности разговора, а продолжавшаяся пульсация в виске не способствовала напряженной работе памяти. Но если копы все же сказали, что меня якобы сняла камера наружного наблюдения, зачем им было лгать? А если камеры не существовало, то как они на меня вышли? Значит, уже держали «Пэтчетс» под наблюдением? Уже следили за Клэр?

Вполне вероятно, что местная полиция время от времени посылала патрульную машину дежурить через дорогу от бара, высматривая пьяных среди тех, кто садился за руль собственных автомобилей. Или у них даже был план, который следовало выполнять, и они могли спалить случайно попавшегося несовершеннолетнего пьяницу, показывая, как стараются сохранить Гриффон безопасным и благополучным городом, где жители могут спокойно растить своих детей, хотя сами же закрывают глаза на продажу спиртного подросткам?

Может, копов вызвали в «Пэтчетс» чуть раньше из-за какой-то заварухи, а потом они заметили, как юная девица садится в машину к незнакомцу, и предусмотрительно записали номер. А позже, когда стало известно, что Клэр пропала, один из офицеров на утреннем совещании вдруг сказал: «Минуточку!»

Я порылся в карманах в поисках ключей, нажал на кнопку, дистанционно отпиравшую замки, и сел за руль. Прежде чем закрыть дверь и отключить освещение, глянул на себя в зеркало заднего вида. Волосы совершенно растрепались. Я пригладил их пятерней, чтобы они выглядели более-менее прилично.

Я уже хотел было повернуть ключ в замке зажигания, когда из «Пэтчетса» вышли двое байкеров и побрели через дорогу к своим мотоциклам, припаркованным прямо передо мной. Они уже собирались сесть в седла, как пара ковбоев на коней, но в этот момент в ста ярдах от нас вдруг вспыхнули фары.

Почти в то же мгновение на машине поверх крыши начал вращаться многоцветный проблесковый маячок. Секунд на пять взвыла сирена, прежде чем патрульный автомобиль остановился рядом с мотоциклами.

Байкеры, застыв на месте, смотрели, как двое полицейских вышли из своей машины. Женщина из-за руля, мужчина с пассажирского сиденья. В женщине я узнал Кейт Рэмзи – подругу Донны. Уже около сорока лет, короткие светлые волосы, вес примерно сто семьдесят фунтов, а рост не более пяти футов и шести дюймов. Подбородок чуть вздернут, вид грозный. Ее партнера я не знал. Ему было слегка за тридцать, рост пять футов и десять дюймов, вес примерно такой же, как у Рэмзи, и тоже весьма волевой подбородок на скуластом лице.

Кажется, ведущую роль собиралась взять на себя Кейт. Я приспустил окно для лучшей слышимости.

– Вы откуда будете, парни? – спросила она, держа одну руку на рукоятке свисавшей с ремня дубинки.

Первый байкер отозвался:

– А в чем проблема, офицер? Мы что-то нарушили?

– Я задала вопрос, – повторила Кейт. – Откуда вы?

– Из Элмвуда, – ответил второй байкер.

Это был пригород Буффало, причем вполне приличный район.

– Что привело вас в Гриффон? – поинтересовался мужчина-полицейский.

– Просто приехали выпить пару бутылочек пива и поиграть на бильярде, – сообщил первый байкер.

– И это все, чем вы занимались? – осведомилась Кейт Рэмзи. – А нет ли у вас здесь случайно своего маленького бизнеса?

Второй байкер покачал головой:

– Послушайте, мы лишь хотели подышать свежим воздухом, немного прокатиться на мотоциклах. Только и всего. Мы не собирались создавать никому неудобств.

Напарник Кейт сказал:

– Нам здесь такие типы, как вы, совершенно ни к чему.

– Такие типы, как мы? – переспросил второй байкер. – Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Это значит, – ответила Кейт, – что нам не нужны грязные ублюдки, торгующие наркотой, как вы двое, которые будут шататься по нашему городу и уродовать его.

Первый байкер сделал движение в сторону Кейт, но второй удержал его за руку.

– Тогда, думаю, нам пора уезжать отсюда, – произнес он.

– Мы не обязаны выслушивать подобное дерьмо, – возразил первый.

Партнер Кейт решительно двинулся к ним, снимая с ремня дубинку.

– Еще как обязаны! – Он подошел к мотоциклу второго байкера, небрежно помахивая дубинкой. – Сколько стоит такая красивая фара?

– Да ладно, бросьте, – сказал второй байкер. – Мы сразу же уедем.

– И больше не вернетесь, – добавила Кейт.

– Нет, не вернемся, – подтвердил первый. – Кому вообще захочется возвращаться сюда? Оказывается, все, что рассказывают про вашу захолустную дыру, – чистая правда.

Кейт Рэмзи и ее напарник наблюдали, как байкеры сели на мотоциклы, завели взревели двигатели и объехали патрульную машину полиции Гриффона. Когда они уже выбрались на проезжую часть, один из них поднял руку, выставив в прощальном салюте средний палец.

Рэмзи и партнер дождались, пока задние габаритные огни мотоциклов не стали похожи на едва заметные булабочные головки, а потом сели в свою машину и тоже уехали.

Я уже собрался продолжить охоту за Скиллингом у него дома, но решил, что сначала имеет смысл разыскать отца Клэр – Бертрама Сэндерса – и поговорить с ним.

Его адрес я нашел через свой сотовый. Сэндерсы жили на Лейклэнд-драйв. Я знал эту улицу, хотя и не мог понять, почему она носит такое название¹². Она не вела к воде, и с нее даже не открывался вид на какой-либо водоем. Я надеялся, что, когда постучу в дверь, откроет не Сэндерс, а Клэр. В конце концов, если она успела вернуться после моей встречи с копами, никто не обязан был докладывать мне об этом.

Район был небогатый, возведенный после войны. Причем речь идет о Второй мировой войне, а не о корейской, вьетнамской, войне в Заливе, в Ираке или в Афганистане. Впрочем, мы столько воевали, что нетрудно и запутаться. Мэр жил в простом двухэтажном доме со сте-

¹² Приозерье, земля у озера (от *англ.* Lakeland).

нами, обитыми коричневыми досками. Хотя фасад казался узким, постройка тянулась далеко в глубь двора. Бросалось в глаза, что за этим домом ухаживали лучше, чем за многими другими, стоявшими на той же улице. На крышах некоторых из них еще торчали ржавые старомодные телевизионные антенны, не принимавшие сигнала, наверное, уже много лет. Позади дома в самом конце длинной подъездной дорожки в одну колею виднелся отдельно стоящий кирпичный гараж.

Я припарковался у тротуара, подошел к двери и постучал. Было начало девятого, и уже включились уличные фонари, но в доме Сэндерсов света я не видел. Приложив ладони к лицу для лучшего обзора, я всмотрелся в стеклянный прямоугольник, вставленный в деревянную дверь. Никаких признаков жизни.

Хотя это казалось бесполезным, я решил обойти вокруг дома и постучать в заднюю дверь, которая, как я обнаружил, добравшись до нее, вела в кухню. Снова плотно прижавшись к стеклу, я заметил, что единственное свечение там исходило от дисплея на пульте управления тостером. На мой стук никто не отозвался.

– Вы разыскиваете мэра?

Я обернулся и увидел пожилую женщину, стоявшую под фонарем на крыльце соседнего дома. Она глядела на меня поверх забора.

– Да, верно, – ответил я после паузы. – Надеюсь застать Берта дома.

– И это в четверг вечером. – Женщина произнесла свою фразу так, словно я должен был сразу же понять ее смысл.

– А чем вечер четверга отличается от остальных?

– Проходит совещание городского совета. Вы, наверное, нездешний?

После стольких лет жизни в Гриффоне я действительно ощущал себя здесь сегодня чужаком. Каждый встречный норовил показать мне, как мало я знал.

– Совсем вылетело из головы.

Из ее дома донесся мужской окрик:

– С кем ты там беседуешь?

Соседка мэра повернула голову и тоже криком ответила:

– Тут один мужчина разыскивает Берта!

– Скажи ему, пусть поищет в мэрии!

– Уже сказала! Я что, по-твоему, совсем ничего не соображаю? – Она снова посмотрела на меня. – Муж считает меня слабоумной.

– Я подумал, что Клэр дома и сможет передать ему мое сообщение.

– Что-то она мне сегодня на глаза не попадалась. – Соседка некоторое время колебалась, облизывая губы и явно обдумывая то, что собиралась сообщить. – Никогда не известно, где она может быть. Слава богу, наши дети уже выросли и разъехались. Они даже почти не звонят, но, честное слово, я только рада этому. А вот Берту очень нелегко одному воспитывать дочь.

Я вспомнил слова Донны о том, что мэр разошелся с женой.

– Да, с детьми порой приходится несладко, – заметил я.

– О чем вы там разговариваете? – крикнул мужчина из дома.

– Я все расскажу тебе через минуту, – так же громко ответила она. – Не обращайтесь внимания. Ему просто тоже хочется поучаствовать. – Соседка закатила глаза.

– Клэр все время живет здесь? – спросил я. – Или проводит половину времени у своей матери?

– Было бы затруднительно проводить половину времени тут, а другую половину в Канаде. Кэролайн живет в Торонто с новым мужем, как там его зовут.

– Я тоже что-то забыл его фамилию, – сказал я таким тоном, словно когда-то знал ее.

Клэр могла отправиться к матери. Это стоило проверить.

– Эд! – крикнула женщина в сторону своего дома. – Эд!

– Чего тебе?

– Как зовут того парня, за которого вышла замуж Кэролайн? Он владелец ювелирного магазина, реклама которого висит прямо на вокзале в Торонто.

– Гм... Сейчас вспомню. Кажется, Мински.

– Нет, не так, – возразила она. – Это фамилия твоей свояченицы.

– Ах да, точно.

Соседка снова повернулась ко мне.

– Я сама вспомнила. Его зовут Джефф Карнофски. Через «к». То есть с двумя «к». Одно в начале, а второе в самом конце.

– Когда вы в последний раз видели Клэр здесь?

– Вчера вечером. Она уехала на каком-то пикапе.

– В котором часу это было? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Как раз после окончания новостей.

– Какого выпуска?

В наши дни, особенно с развитием кабельных сетей, новости шли по одному из каналов практически непрерывно.

– С Брайаном Уильямсом, – ответила соседка.

Стало быть, речь шла о «Вечерних новостях Эн-би-си по каналу Дабл-ю-джи-ар-зэд, местному филиалу корпорации Эн-би-си. Выпуск длился с шести тридцати до семи часов.

– Он, шельмец, красивый мужчина, нельзя не признать, – добавила она о ведущем.

– Значит, Клэр уехала вскоре после окончания этих новостей? – Я сам почувствовал, что мои вопросы становятся несколько назойливыми, но женщина явно была не прочь поболтать и, видимо, нисколько не переживала из-за распространения о соседях информации личного характера.

– Не знаю. В семь, в восемь, в половине девятого, точно не скажу. Но уезжали они в спешке. С визгом покрышек и все такое. Полиции следовало бы штрафовать за подобное вождение. Тем более что они постоянно здесь околачиваются, видит бог.

– Что вы имеете в виду?

– Это продолжается уже довольно долго. Очень часто патрульная машина полиции Гриффона стоит на нашей улице, словно они держат дом мэра под наблюдением. Мне даже стало любопытно. Неужели он начал получать письма с угрозами расправы или что-то в таком духе? Но когда я прямо спросила его об этом, мэр ответил, что «ничего особенного не происходит, не о чем беспокоиться». – Она усмехнулась. – Вот только мне не очень улыбается мысль, что кто-то вздумает проехать мимо и пострелять по его окнам или вроде того. Могут по ошибке попасть и в наш дом.

Глава 13

Здание мэрии Гриффона возвышалось над центральной частью города, расположившись в дальнем конце обширной общественной лужайки, а его шпиль устремлялся к небу. Оно считалось образцом георгианской архитектуры с остrokонечным фронтоном и сочетанием красного кирпича с выкрашенными белой краской деревянными деталями. Нечто, словно перенесенное из колониального Уильямсберга, хотя находились мы от него далековато. Я знал, что на поддержание здания в порядке и на периодические реставрации утекали немалые средства из городского бюджета и многие налогоплательщики выступали за строительство новых муниципальных офисов за пределами центра, поближе к огромным универсам и ресторанам быстрого питания на Денберри. Сэндерс, надо отдать ему должное, выступил с возражением, заявив: «Если городские власти Гриффона покинут центр, то останется ли хоть какая-то надежда выжить у немногих все еще работающих там бизнесменов?» Не припоминаю, что хотя бы раз лично встречался с мэром, но прочитанное о нем вызывало у меня симпатию.

Я пару раз объехал улицы, прилегавшие к мэрии, выискивая место для парковки.казалось, сейчас здесь повсюду стоит намного больше машин, чем обычно. А потому пришлось оставить «хонду» в паре кварталов от здания, чего я вовсе не хотел, поскольку неизбежно на моем пути оказывался мебельный магазин «Рэвелсон».

Когда мною овладевала самая черная тоска, я порой мысленно спрашивал у сына, почему, если уж он захотел свести счеты с жизнью подобным образом, то не мог это сделать в месте, которое потом не попадалось бы мне на глаза каждый раз при поездке в центр города.

Иногда я даже пытался притвориться, что никакого мебельного магазина там на самом деле нет, а это было непросто. Он располагался в одном из самых массивных и старых домов коммерческого назначения в Гриффоне, возведенных еще в конце XIX века. Но даже если бы я вообще никогда не появлялся здесь, деваться от названия «Рэвелсон» было некуда. Они еженедельно размещали свою рекламу в газете, рассовывали по почтовым ящикам буклеты и передавали по всем местным каналам ролики, в которых огромный магазин расхваливал его владелец Кент Рэвелсон, не имевший понятия о чувстве меры. Мне особенно нравился тот из них, где Кент, сидя в излишне глубоком и мягком кресле с сигарой во рту и в профессорских очках, играл психоаналитика, консультировавшего роскошную блондинку, разлегшуюся перед ним на диване.

«А теперь, когда я завалил вас на свой диван, проведу психоанализ его цены, и она у вас на глазах *значительно уменьшится!*» – произносил он, стараясь подражать голосу знаменитого австрийского специалиста, однако выходила все равно пародия на сексуально озабоченного нациста. Организация из Буффало, занимавшаяся охраной душевного здоровья населения, подала на такую рекламу жалобу, но Кент только еще больше вошел во вкус.

Как ни старался я обмануть себя, рассчитывая пройти мимо «Рэвелсона», словно его вообще не существовало, все мои усилия оказывались напрасны. Я вытягивал шею и рассматривал тянувшийся вдоль края крыши карниз. То место, где Скотт стоял (как долго, я не знал), думая бог весть о чем, прежде чем решился на более быстрый способ спуска с четвертого этажа, чем по лестнице.

Прыгнул он не с фасада здания, а с боковой стороны, упав на автостоянку. Причем на место, предназначенное для парковки инвалидов. Именно там полиция – в лице офицера Рикки Хейнса – и обнаружила его.

Вот и на этот раз все произошло как всегда. Я остановился и задрал голову. До закрытия магазина оставалось еще полчаса, из торгового зала время от времени выходили люди, заводились двигатели, со стоянки выезжали машины.

Как обычно, я осмотрел место, начав с парковки для инвалидов, подняв взгляд вдоль четырех рядов окон и задержав его на краю крыши.

Сколько могло продлиться падение? Две секунды? Три? Я словно видел, как его тело стремительно летит вниз и ударяется об асфальт. Три секунды представлялись наиболее вероятным временем. И уж точно не дольше. О чем Скотт успел подумать, пока падал? Было ли ему страшно? Осознавал ли он, как только шагнул через край, что наделал? Не попытался ли за эти две или три секунды найти хоть какой-то способ спастись?

Или же был совершенно счастлив? Может, он ударился о землю с блаженной улыбкой на лице? И что оказалось бы лучше? Понять в последнее мгновение, что совершил фатальную ошибку, или, под действием наркотиков, встретиться с Создателем довольным и беззаботным, как жаворонок?

Раздумья обо всем этом не улучшали настроения.

Но размышлять было о чем. Например, как он вообще там оказался? Мне бы очень хотелось возложить вину на милых людей из магазина «Рэвелсон». В конце концов, если бы они не дали Скотту временную работу на лето, он никак не смог бы проникнуть на крышу. Но я отлично понимал, что с таким же успехом можно обвинять фирму, производящую консервы, если ты порезал палец, открывая банку с тунцом. Если честно, Кент Рэвелсон много сделал для того, чтобы облегчить Скотту жизнь. У мальчика ведь не было ни особого предыдущего опыта работы, ни физической силы, которая часто требуется от сотрудника мебельного магазина. Однако Кент неизменно находил для Скотта множество заданий, для выполнения которых не приходилось двигать холодильники. Он даже дал парню попробовать себя в роли продавца, позволив день поработать в отделе матрасов, когда заболел штатный сотрудник, выполнявший эту функцию.

У меня тогда возникло впечатление, что Кент и его жена Анетта, помогавшая управлять магазином, проявили к Скотту особый интерес, поскольку их собственный отпрыск Роман не желал иметь ничего общего с семейным бизнесом. Ему был двадцать один год, и, насколько я слышал, он хотел большего, чем просто владеть мебельным магазином. Он по большей части торчал дома и писал на своем компьютере сценарии фильмов про зомби, которыми пока не смог заинтересовать Спилберга, Лукаса или Скорсезе.

Мы с Донной рассчитывали, что ответственность, связанная с летней работой, окажет на Скотта воспитательный эффект и поможет возмужать. На деле же у него просто появилось больше собственных денег на выпивку и наркотики, которые он и употребил тем вечером на крыше.

Расследование, проведенное полицией, если его можно так назвать, показало, что Скотт, по всей видимости, не раз бывал со своими приятелями на той крыше и раньше. Там обнаружили множество пустых бутылок из-под спиртного, окурки косяков с марихуаной и пару кем-то потерянных таблеток экстази.

Как, должно быть, весело они проводили время, имея в своем распоряжении целую крышу, когда под ногами лежал весь Гриффон, а вдали на юге открывался вид на Ниагарский водопад и на башню «Скайлон» уже на территории Канады, казавшуюся на горизонте огромной подставкой под шар для игры в гольф.

Я сам поднимался туда дважды после смерти Скотта. Оба раза просто в роли отца, но невольно осматривал место глазами сыщика. Стараясь понять картину происшедшего, пытаюсь мысленно восстановить ход событий. Мне представлялось, как он резвился, позволяя наркотикам и алкоголю подхватить себя и унести от реальности. Кирпичный бордюр, что-то вроде ограды, проходил по всему периметру крыши, но едва достигал шести дюймов в высоту. Не тот барьер, который помешал бы упасть случайно споткнувшемуся человеку, и уж точно не препятствие для того, кто вообразил, будто умеет летать. Мне не свойственен страх высоты, но в обоих случаях, когда я поднимался туда и вставал у кирпичного бордюра, то чувствовал

головокружение. Мне на самом деле становилось не по себе тогда или же я слишком живо воображал бредовое состояние, в которое впал Скотт?

Еще я четко помнил тот стук в дверь. Мы с Донной уже лежали в постели, но не спали, гадая, куда запропастился Скотт. Я пробовал звонить ему на сотовый, однако безуспешно, а потому почти собрался встать, одеться и отправиться на поиски, когда во входную дверь громко забарабанили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.